

© *Петербургское библиотечное общество, 2014*

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. №

Номер подписан в печать 10.03.2014 г.

**К 290-летию
Российской Академии наук**

В.С. Соболев. Первый российский академик профессор Якоб Герман..... 3

В.С. Соболев. Первый президент Академии наук Л.Л. Блюментрост..... 7

**К 300-летию Библиотеки
Российской Академии наук**

Н.В. Колпакова. БАН в протоколах Российской Академии наук (1900–1928 гг.)12

Библиотечные технологии

И.А. Морева, В.Н. Синельченко. Представление современного потока литературы по музыке в систематическом каталоге16

Изучаем Восток

Т. Томихай. Китайский язык. Некоторые странички истории изучения.....20

Т.И. Виноградова. О работе международного форума «Гонконг, Макау и китайско-российские связи»30

Т. Томихай. Великое в малом Хайку Мацуо Басё (1644–1694).....38

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Ежова М.Ф.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Юдахина О.Г.

Корректор

Томшина М.В.

История библиотек

Е.А. Савельева, Г.Н. Питулько.

Валленродiana

Библиотеки Академии наук55

В.А. Матвеева, Н.А. Шаталова.

К 175-летию Санкт-Петербургского

художественного училища

имени Н.К. Рериха: страницы

истории библиотеки.....63

Моя история

Н.Ю. Бубнов. Стихи70

Вспоминая Блокаду72

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ АКАДЕМИК ПРОФЕССОР ЯКОБ GERMAN

В.С. Соболев

Создание Академии наук в Санкт-Петербурге стало важной вехой в процессе реформирования России императором Петром Великим. 28 января 1724 года царём был подписан указ «Об учреждении Академии и о назначениях для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга»¹.

Энергичным и талантливым исполнителем воли императора стал Л. Блюментрост, возглавивший работу по созданию первого научного учреждения страны и ставший первым президентом Академии наук. В частности, он прилагал большие усилия к тому, чтобы пригласить в Северную столицу иностранных учёных. Одним из самых первых в этом плане стал швейцарский математик Якоб Герман, являвшийся к тому времени профессором университета во Франкфурте-на-Одере. Его рекомендовал профессор Христиан Вольф, один из учителей Л. Блюментроста.

Я. Герман родился 16 июня 1678 года в Базеле. Он увлечённо занимался математикой под руководством знаменитого Якова Бернулли. Талант начинающего учёного оценил Г.В. Лейбниц, ставший покровителем молодого математика. Уже в 1701 году Я. Герман был избран в члены только что основанной Г.В. Лейбницем Берлинской Академии наук².

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится небольшой, но интересный комплекс документов о деятельности Я. Германа в Санкт-Петербургской Академии наук. Имеются и материалы о приглашении учёного на работу в Россию. В своём письме от 7 ноября 1724 года, направленном Академии наук, учёный указал, что «он предоставленное место с великим благодарением приемлет и означенными кондициями доволен»³. Сохранился текст контракта с Я. Германом, который заключил с ним по поручению

императора Петра I и от имени Академии наук русский посланник в Берлине граф А.Г. Головкин (см.: приложение № 1 к данной статье).

Контрактом предусматривалось, что профессор Я. Герман принимался на службу в Академию наук сроком на пять лет, он обязывался «в оное время о приращении Академии генеральное старание иметь, особливо же в части высшей математики»⁴. Предполагалось, что учёный должен подготовить основательные научные труды по математике, систематически читать лекции студентам по данному предмету и подготовить одного или двух наиболее способных студентов к самостоятельной научной работе. Данным документом определялись и конкретные размеры вознаграждения, которое должен был получать Я. Герман за свою работу. Первые два года — по 1500 рублей в год, а последующие три года — по 2000 рублей.

На таких условиях Я. Герман прибыл в Санкт-Петербург и с 8 января 1725 года был назначен профессором высшей математики, то есть стал первым действительным членом Санкт-Петербургской Академии наук.

Реформы проводившиеся императором Петром I, были продолжены его супругой, императрицей Екатериной I, поддержавшей и нелёгкую работу по созданию Академии наук. На наш взгляд, не случайным был тот факт, что вскоре после приезда Я. Германа в Россию состоялась его встреча с императрицей. 15 августа 1725 года он вместе с профессором Г. Бильфингером, так же одним из первых российских академиков, был принят Екатериной I⁵. Во время аудиенции Я. Герман произнёс приветственную речь на французском языке, причём, перевёл её Л. Блюментрост. Императрица выразила своё удовлетворение прибытием в столицу России известных учёных

и обещала впредь проявлять заботу об Академии наук.

Первые заседания Конференции (Общего собрания) Академии наук состоялись в сентябре 1725 года. К сожалению, протоколы этих заседаний оказались утраченными. Однако в Архиве РАН хранится протокол заседания Конференции от 2 ноября 1725 года, проходившего в доме вельможи П. Шафирова под председательством Л. Блюментроста. На нём академиком Я. Германом был сделан доклад «О сфероидальной фигуре Земли». В качестве оппонента тогда выступил академик Г. Бильфингер⁶.

С самого момента своего основания Санкт-Петербургская Академия наук считала необходимым вносить свой вклад в развитие просвещения в России. Одним из примеров такой деятельности академических учёных было чтение ими публичных лекций. Известно, что чтение публичных лекций началось с января 1726 года, они проходили по понедельникам, средам, четвергам и субботам. От имени Академии наук было опубликовано специальное «Объявление», где указывались тематика и порядок проведения лекций. В «Объявлении», в частности, сообщалось о том, что «Член Императорской Академии и королевских научных обществ в Лондоне и Берлине, высоких математических наук первый профессор Я. Герман будет с 11 до 12 часов читать лекции по общему анализу и алгебре».

Примечательно, что в письме президента Академии наук Л. Блюментроста в Святейший Синод от 13 января 1726 года с просьбой о печатании в Синодальной типографии лекций, подготовленных академиками, говорилось «о необходимости зачинающиеся академические лекции публиковать в народе»⁷. Здесь следует дать пояснение, что собственная Академическая типография была основана позднее, в 1728 году.

В 1726–1728 гг. академиком Я. Германом был подготовлен цикл лекций, которые он читал как публично, перед разной аудиторией, так и в рамках учебных про-

грамм для созданного академического университета. Приведём названия некоторых наиболее характерных тем его лекций: «О мерах сил живых», «О фигуре Земли», «Двойственное решение проблемы Кеплеровой», «О счислении интегральном или цельном», «Генеральная теория движения телес» и др.⁸

Одновременно с этим Я. Герман успешно занимался и теоретической научно — исследовательской работой. Так, им были подготовлены серьёзные научные труды «О бесконечно малых величинах», «О системе науки бесконечного» и др. Специально для обучения молодого императора Петра II Я. Германом был подготовлен ряд учебных пособий: по арифметике, по геометрии, по гражданской и воинской архитектуре и др.

Я. Герман вполне заслуженно пользовался большим авторитетом и уважением среди своих коллег — академических учёных. Об этом со всей убедительностью свидетельствует следующий исторический факт. В январе 1728 года президент Академии наук Л. Блюментрост был вынужден уехать в Москву, в связи с переездом туда императорского двора. Он отдал распоряжение, согласно которому временное управление Академией было возложено на советника академической канцелярии И. Шумахера. Этот честолюбивый и деятельный чиновник вскоре стал полновластным распорядителем всех академических дел. Данное обстоятельство стало причиной ряда серьёзных конфликтов, возникших в стенах Академии.

В результате всего этого, в январе 1729 года академики направили императору Петру II челобитную, в которой обоснованно излагалась просьба о разрешении избрать из своей среды директора Академии, который бы мог в отсутствие президента, осуществлять руководство ею. Эту челобитную подписали тогда все действительные члены Академии наук. Заметим, что данный поступок академических учёных не противоречил нормативным требованиям петровского «Проекта по-

ложения об учреждении Академии наук и художеств»⁹.

Для нас во всей этой истории особый интерес представляет то, что учёные единодушно просили императора назначить директором академика Я. Германа. В челобитной, в частности, говорилось следующее: «Мы уповаем, что Ваше Величество нам всемилостивейше позволит в первый раз в директора всеподданнейше представить старшего изо всего нашего собрания Якова Германа»¹⁰. Далее в документе отмечалось, что Я. Герман более двадцати лет служил профессором в Италии и «Немецкой земле», дважды с успехом занимал пост ректора университета во Франкфурте-на-Одере. Однако это прошение учёных было оставлено императором Петром II без внимания и ответа на него не последовало.

Надо так же отметить и то обстоятельство, что Я. Герман обладал замечательными человеческими качествами. Современники ценили его миролюбивый характер и доброжелательное отношение к окружающим. Интересную характеристику своему коллеге дал академик Г.Ф. Миллер, близко знавший Я. Германа: «Он был важен, говорил мало, когда был один, то никогда не покидал своих учёных занятий»¹¹.

Во второй период своей деятельности в Санкт-Петербургской Академии наук в 1728–1730 гг. Я. Герман успешно продолжал свою научную работу, постоянно расширяя тематику исследований в области математики. Приведём названия некоторых его работ тех лет (в переводе с латинского языка): «Новое в решении отдельных проблем тригонометрии», «Новое в расчётах интегральных счислений», «Новое в построении кривых», «Решение проблемы расчёта постоянных координат трёх звёзд», «Основные методы для систематизации главных категорий тригонометрии» и др.¹²

Осенью 1730 года истек срок контракта, заключённого Академией наук с Я. Германом. Он обратился к президенту Академии наук Л. Блюментросту

с прошением об увольнении со службы, в связи с необходимостью возвращения в «своё отечество». По представлению Л. Блюментроста императрицей Анной Иоанновной был подписан соответствующий указ от 18 ноября 1730 года. (См.: приложение № 2 к данной статье).

В нём давалась высокая оценка результатов деятельности Я. Германа в Академии наук. В частности, отмечалось, что «показанные от него, в пребывании при нашей академии, прилежные и похвалы достойные труды не иначе, как к особливому оной прославлению и пользе служить могли»¹³.

Бесспорным свидетельством признания заслуг Я. Германа перед Россией стало и то, что ему было предложено остаться в составе Санкт-Петербургской Академии наук, но уже в качестве её иностранного почётного члена. 12 января 1731 года Л. Блюментрост по поручению императрицы заключил с ним новый контракт. Я. Герман брал на себя обязательства продолжать активное научное сотрудничество с Академией наук, обмениваться учёной корреспонденцией, продолжать печатать свои труды в «Академических комментариях», а так же оказывать содействие российским студентам в тех случаях, когда они будут обучаться в Базельском университете. В соответствии с новым контрактом, учёному была назначена ежегодная пенсия в размере 200 рублей¹⁴.

На своей родине Я. Герман стал профессором «нравственной философии» Базельского университета, где и прослужил до своей кончины, последовавшей 11 июня 1733 года.

Позднее, в конце XIX века вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук, академик В.Я. Бунаковский написал о том, что «имя Я. Германа может быть поставлено наряду с первоклассными математиками прошлого столетия»¹⁵.

В заключение отметим, что жизнь и деятельность первого российского академика Я. Германа является ярким примером верного служения науке и культуре. Наука не знает государственных границ

и национальных характеристик и его имя принадлежит истории и мировой науки, и науки российской.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724–1802. Отв. Ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 31.

² Русский биографический словарь. (Герберский — Гогенлоэ). М., 1916. С. 57.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 582. Л. 48.

⁴ Там же. Д. 70. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 583. Л. 83–83 об.

⁶ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. Т. 1. СПб., 1897. С. 2–3.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 417. Л. 27.

⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 276–277.

⁹ Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 55.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 3. Д. 108. Л. 1–1 об.

¹¹ Русский биографический словарь (Герберский — Гогенлоэ). М., 1916. С. 61.

¹² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 422. Л. 282–282 об.

¹³ Там же. Д. 6. Л.Л. 461–462.

¹⁴ Там же. Д. 700. Л.Л. 52–53.

¹⁵ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. VIII–а. СПб., 1893. С. 534.

Приложение № 1

К О Н Т Р А К Т, Заключённый Санкт-Петербургской Академией наук с Профессором Я. Германом. 8 января 1725 г. Франкфурт-на-Одере.

Вступает помянутый господин профессор Герман при императорской академии наук в члены высшей математики, на пять лет, и обещается во оное время о приращении академии генеральное старание иметь, особливо же части высшей математики в совершенство приводить, о том систему написать и ежедневно по оной, выключая праздники, в пользу учащегося юношества по одному часу читать и в своей науке одного или двух студентов в совершенство привести. Напротив того, обещает, именем Е.И.В., помянутый господин граф Головкин сему господину профессору Герману, чрез два первые года, на каждый — по тысяче по пяти сот Рублев, а чрез три последние и прочие годы — по две тысячи Рублев на каждый годового жалования, такожде свободную квартиру, дрова и свечи, которые ему из академической суммы по четвертям, или по третям года сполна выдаваны быть имеют, и с начала его прибытия в Санкт-Петербург сия дача произведена будет. Сверх сего, дадут ему 300 рублев на проезд. Ещё обещает Е.И.В. его ни за болезнь, ни за старостью не оставить, но во время его договора полное его жалованье выдавать. Ежели он, по прошествии пяти лет, больше быть не пожелает, то должен он о своём отпуске за год наперед письменно просить, в котором случае оный ему без всякой остановки дан будет. Во уверение сочинены сего договора два экземпляра, и от обеих сторон подписаны, и печатью запечатаны. Учинено в Франкфурте при Одере, генваря 8 дня 1725.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 11-11об. Подлинник.

У К А З

Императрицы Анны Иоанновны об увольнении профессора Я. Германа
Из Санкт-Петербургской Академии наук.
18 ноября 1730 г. г. Москва

Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и самодержица всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем чрез сие, кому о том ведать надлежит: понеже шляхетный Яков Герман при нашей, императорской академии в Санктпитебурхе, яко первый профессор математических наук, по силе учинённого с ним контракта, пять лет службу свою продолжал, и во всё то время должность свою так отправил, как Мы от его достоинства и великих и знатных наук того ожидать и уповать причину имели, и показанные от него, в пребывании при нашей академии, прилежные и похвалы достойные труды не инако, как к особливому оной прославлению и пользе служить могли. И того ради, к нашему всемилостивейшему удовольствию было бы, ежели б протчее его состояние допустило ему далее в нашей службе пребыть; но понеже он Нам всеподданнейше представил, что ради партикулярных своих интересов необходимо во своё отечество возвратиться принуждён, и более при помянутой нашей академии остаться не может, и для того об отпуске из службы нашей просил. Сего ради Мы одного профессора Якова Германа из службы нашей уволить всемилостивейше указали и сим нашим абшитом ему заслуженное свидетельство особливого его достоинства и похвальных во всём, во время его при академии нашей пребывания, поступок дать, таокж и притом о нашей продолжающейся к нему императорской милости его обнадёжить восхотели. Дан в Москве.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп.1. Д. 6. Л. 461. Заверенная копия.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК Л.Л. БЛОМЕНТРОСТ

В.С. Соболев

Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост был первым президентом Академии художеств и наук в Санкт-Петербурге. Он возглавлял ее с 1725 по 1733 год.

Л.Л. Блюментрост являлся одним из главных организаторов Академии наук, во многом, в результате его энергичной и последовательной деятельности была реализована идея императора Петра Великого о создании первого научного учреждения страны.

Годы президентства Л.Л. Блюментроста совпали с завершающим этапом осуществления петровских реформ, проводившихся практически во всех сферах политической, экономической, социаль-

но-бытовой и культурной жизни России. Основание Академии наук стало важным моментом данного этапа реформирования страны и оказало большое влияние на все последующее развитие отечественной культуры и науки. В целом же, грандиозные результаты реформаторской деятельности Петра I на несколько столетий определили облик России, ставшей сильным имперским государством, занявшим одно из ведущих мест в мире.

Л.Л. Блюментрост родился 29 октября 1692 года в Москве, в немецкой семье, его отец Лаврентий Алферович был царским врачом. Л.Л. Блюментрост получил хорошее домашнее образование, а позд-

нее закончил московскую гимназию пастора Э. Глюка. Для совершенствования образования Л.Л. Блюментрост в 1706 г. отправился за границу, где с успехом обучался в нескольких европейских университетах. В 1712 г. он защитил диссертацию и стал доктором медицины¹. После возвращения в Россию Л.Л. Блюментрост в 1714 г. был назначен Петром I лейб-медиком сестры императора Натальи Алексеевны. В течение ряда лет Л.Л. Блюментрост выполнял важные поручения императора по медицинскому обслуживанию царской семьи, по развитию медицины в стране, по осуществлению контактов с зарубежными учеными.

В 1718 г. после смерти лейб-медика Петра I Р. Арескина на эту должность был назначен Л.Л. Блюментрост. Одновременно к нему перешло и заведование Библиотекой и Кунсткамерой, созданными еще в 1714 г.

Вполне закономерным следствием всех сложившихся обстоятельств и стало новое ответственное поручение императора Л.Л. Блюментросту — начать подготовку «Проекта положения об учреждении Академии наук». Он был подготовлен к началу 1724 года и представлен Петру I².

«Проект положения» был одобрен на заседании Правительствующего Сената, проходившем в присутствии императора 22 января 1724 г. Был установлен и размер финансирования государством Академии наук, на ее содержание ежегодно отпускалось 24912 рублей. «Проект положения об учреждении Академии наук» выполнял функции академического Устава вплоть до принятия в 1747 году «Регламента Академии наук». 28 января 1724 года императором Петром I был издан специальный указ Правительствующему Сенату «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга»³.

Летом 1725 г. в Петербург начали прибывать из-за границы первые академики.

Среди них были математики Я. Герман и Х. Гольдбах, физик Г.Б. Бильфингер, астроном Ж.Н. Делиль, физиолог Д. Бернулли, ботаник И.Х. Буксбаум, медик И.Г. Дювернуа, историк Г.З. Байер и др.

15 августа 1725 г. императрица Екатерина I в своем Летнем дворце приняла делегацию первых академиков: Х. Гольдбаха, Я. Германа, Г.Б. Бильфингера, Х. Мартини и И.П. Коля во главе с Л.Л. Блюментростом. Герман Я. и Г.Б. Бильфингер произнесли приветственные речи.

Первое, зафиксированное в протоколе заседание академической Конференции, состоялось 2 ноября 1725 г. На нем Я. Герман сделал доклад о сферической фигуре Земли, сплюснутой у полюсов. Это же положение было доказано И. Ньютоном в его «Математических началах натуральной философии»⁴.

Первый этап организации Академии наук был завершен подписанием 20 ноября 1725 года императорского указа «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Л.Л. Блюментроста»⁵.

27 декабря 1725 г. состоялось первое публичное собрание Конференции Академии наук. В присутствии дочери Петра I Анны Петровны, ее супруга герцога Гольштинского и петербургской знати академик Г.Б. Бильфингер произнес речь о задачах Академии наук.

Благодаря энергичной деятельности Л.Л. Блюментроста удалось заложить основы организационного устройства Академии наук. Кроме Библиотеки и Кунсткамеры было создано еще несколько академических структур.

Прежде всего, усилия президента были направлены на создание академической типографии. 4 октября 1727 г. был издан именным указ Верховного тайного совета. Указом, в частности, предусматривалось создание типографии при Академии наук «для печатания исторических книг, которые на российский язык переведены»⁶. Позднее из бывшей Синодальной типографии в Академическую типографию была передана часть оборудования — два

стана и шрифты — русской гражданской печати, немецкий и латинский» и часть персонала. В начале 1728 г. «надзор над Типографией» был поручен академику Г.Ф. Миллеру. В течение 1728 г. в Типографии было отпечатано 11 названий различных научных изданий.

Наличие своей типографии позволило президенту Академии наук организовать очень важную и плодотворную издательскую деятельность. Академические ученые получили возможность публиковать свои монографические исследования, учебники, научно-популярные издания⁷. Среди первых академических изданий труды И.Х. Буксбаума «Центурия», И.С. Бекенштейна «Геральдика», Т.З. Байера «Китайская грамматика» и др.

Кроме того, в академической типографии было налажено печатание периодических научных изданий Академии наук. Результаты научных дискуссий, проводившихся Конференцией, публиковались в томах «Commentarii». Издавались первая газета «Куранты» («Ведомости»), календари и др. Масштабы издательской деятельности Академии наук и тиражи самих изданий с каждым годом возрастали. Так, в феврале 1733 г. руководство Академии наук обратилось в Правительствующий Сенат с просьбой запретить ввоз в Россию немецких календарей, так как Академия может и русскими, и немецкими календарями «всю империю удовлетворить»⁸.

При Академии наук была создана книжная лавка, в которой велась торговля академическими изданиями. Несколько позднее книжная торговля была организована и в Москве. На заседании Конференции Академии наук 23 июня 1729 г. отмечалось, что в Москву отправлено две посылки с академическими изданиями: 1-я посылка — 9 наименований книг, 2-я посылка — 12 наименований тиражом от 8 до 2000 экземпляров. Безусловно, издательская деятельность Академии наук вносила большой вклад в дело просвещения в России.

В результате многочисленных и настойчивых обращений Л.Л. Блюментроста к правительству Академии наук в 1727 году было предоставлено отдельное здание на Васильевском острове, специально перестроенное для этой цели из бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны.

В новом здании Академии наук были размещены Библиотека и Кунсткамера. Кроме того, размеры здания в то время позволили разместить и академические структуры, созданные за годы президентства Л.Л. Блюментроста: Обсерваторию, Анатомическую палату (позднее — Анатомический театр), Инструментальные мастерские, Рисовальную и Гравировальную палаты.

К осени 1731 г. были, в основном, завершены работы по оборудованию Обсерватории, в ней уже регулярно проводились астрономические наблюдения. В первые годы существования Академии наук астрономическими исследованиями руководил академик Ж.Н. Делиль.

В Анатомической палате Академии наук велась не только научно-исследовательская работа, но проводились патолого-анатомические экспертизы для органов государственной власти. Так, в течение 1731 г. было произведено 22 патолого-анатомические экспертизы. В 1731 г. управление Анатомическим театром по решению президента Академии наук было возложено на академика И.Г. Дювернуа.

Инструментальные мастерские при Академии наук были созданы в первую очередь для изготовления инструментов для проведения научных исследований. Эта академическая структура в то время являлась в своем роде уникальной для России организацией. Поэтому мастерским также приходилось выполнять ответственные поручения власти. В 1731 г. при подготовке Генерального межведомственного Правительствующий Сенат дал Академии наук поручение изготовить необходимые для этой работы инструменты. В августе 1731 г. Академией наук были направлены в Сенат 20 теодолитов

и 15 готовален с инструментами. При этом руководство Академии наук сообщило Сенату, что может и еще изготовить «астролябии и инструменты самую хорошую работою, как в Англии или во Франции, а ценою гораздо дешевле»⁹.

Рисовальная и Гравировальная палаты при Академии наук также создавались, прежде всего, для обеспечения научно-исследовательской работы. Гравюры в то время являлись практически единственной возможностью снабдить академические издания иллюстрациями. Однако успехи, достигнутые в результате деятельности палат, сделали их известными далеко за пределами Академии наук. Так, в мае 1732 г. руководство Академии наук доложило Сенату о том, что по его заданию уже отпечатано 15 гравюр о коронации императрицы Анны Иоанновны, по 1200 экземпляров каждой гравюры¹⁰.

В соответствии с «Проектом положения об учреждении Академии наук» уже в первые годы ее существования были организованы Академический университет и гимназия. В числе первых преподавателей следует назвать профессоров Т.З. Байера, Г.В. Крафта, Г.Ф. Миллера. В 1726 году в Гимназию было принято 112 учащихся, в 1727 г. — 58 человек. В июле 1728 г. был опубликован указ Верховного тайного совета об отсылке в Академию из всех гимназий и школ учеников, знающих латинский язык, «для отдания в науку»¹¹.

Первоначально Гимназия размещалась в домах П.П. Шафирова и И.П. Строева, находившихся на Петербургском острове. А весной 1728 года ее перевели на Васильевский остров в здание Академии наук. Таким образом, уже в период президентства Л.Л. Блюментроста Академией наук были предприняты первые попытки создания национальных кадров научных работников.

Л.Л. Блюментрост придавал важное значение организации в Академии наук и экспедиционной работы. В марте 1727 г. была организована экспедиция

Л. Делиля де ла Кройера в Архангельск и Колу, а затем в «другие губернии империи» для проведения астрономических и физических наблюдений. В июле того же года И.Х. Буксбаум был командирован в Нарву, Ревель и «прочие лифляндские места для изыскания ботанических трав».

Большая работа была проведена Академией наук по подготовке и проведению II Камчатской экспедиции. Тексты практически всех инструкций для этой масштабной экспедиции были составлены академическими учеными. Одними из первых отбыли в это трудное путешествие академики И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, Л. Делиль де ла Кройер.

В годы президентства Л.Л. Блюментроста были удачно осуществлены и первые международные контакты Академии наук, в частности, с Парижской Академией, с Берлинским, Лондонским, Упсальским и другими научными обществами

С воцарением на российском престоле в 1730 г. императрицы Анны Иоанновны положение Л.Л. Блюментроста при императорском дворе пошатнулось. Он был оставлен в качестве только лейб-медика сестры императрицы герцогини Екатерины Ивановны Мекленбург-Шверинской. Ослаб интерес верховной власти и к самой Академии наук, в частности, начались перебои с ее финансированием¹². Но и в этих сложных условиях Л.Л. Блюментрост настойчиво продолжал отстаивать интересы первого научного учреждения России.

В июле 1733 г. решением императрицы Анны Иоанновны Л.Л. Блюментрост был снят с должности президента Академии наук. Он переехал на постоянное жительство в Москву, где начал активно заниматься частной медицинской практикой. В 1738 г. он был назначен на должность главного доктора Московского военного госпиталя и одновременно с этим стал директором госпитальной школы¹³.

Положение Л.Л. Блюментроста вновь упрочилось после занятия российского престола императрицей Елизаветой Пет-

ровой. Он был назначен в 1754 г. куратором создававшегося Московского университета и возвращен в Петербург.

Достаточно многочисленные и солидные исторические источники свидетельствуют о выдающихся способностях первого президента Академии наук Л.Л. Блюментроста. Ему были присущи организаторский талант и чувство большой ответственности за порученное дело. Благодаря этим качествам Л.Л. Блюментроста, замысел Петра Великого об организации Академии наук, несмотря на все трудности объективного и субъективного порядка, был воплощен в жизнь.

Л.Л. Блюментрост был всесторонне образованным и высококультурным человеком, он умел наладить хорошие контакты и плодотворное сотрудничество со своими коллегами-учеными.

Скончался Л.Л. Блюментрост 27 марта 1755 г. в Петербурге в возрасте 63 лет и был похоронен на лютеранской части кладбища недалеко от церкви Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Уманский А.М. Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич // Венгеров С.А.

Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. Т. 3. С. 426.

² Копелевич Ю.Х. Первый президент Петербургской Академии наук Лаврентий Блюментрост // St.Petersburgische Zeitung. 1992. № 16. С. 5.

³ Летопись Российской Академии. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 31. (Далее — Летопись РАН. Т. 1).

⁴ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.

⁵ Летопись РАН. Т. 1. С. 43.

⁶ Летопись РАН. Т. 1. С. 62.

⁷ Копелевич Ю.Х. Лаврентий Блюментрост и вопрос об обязанностях академиков // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 113–114.

⁸ Летопись РАН. Т. 1. С. 126.

⁹ Там же. С. 104–105.

¹⁰ Там же. С. 114–115.

¹¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 266–267.

¹² Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 95–96.

¹³ Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 15.

БАН В ПРОТОКОЛАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (1900–1928 гг.)

Н.В. Колтакова

Создание Библиотеки Российской академии наук в 1714 году стало важным фактором в определении Российской государственности. Еще не существовало никаких учреждений в области науки, культуры, образования, но была **Библиотека**, которой с этого времени была отведена роль духовно-познавательного центра. Позже ее статус определился после появления Указа Петра I о создании Академии наук в 1724 году. С этого момента функции БАН были всецело подчинены становлению и развитию научных знаний и, соответственно, решению назревших потребностей в деле становления и развития России. Став главным хранилищем, где собиралась мировая литература по всем имеющимся тогда областям науки, она открывала пути для достижения этой цели.

В «Летописи Библиотеки Российской академии наук с 1714 по 1800 г.» с возможной полнотой изложена ее жизнь, начиная с первых шагов, подчас нерешительных, трудных с познанием азов обустройства, нахождением той, подчас сложной линии, помогающей принимать необходимые решения. Именно в начале XVIII века при невысоком уровне образованности, на фоне глубоких социальных преобразований сложилось понимание значения науки, и уже через какое-то время появились выдающиеся деятели русского Просвещения.

Блистательный для Академии XVIII век и на равных с ней Библиотека — «первая ее ученая принадлежность». Таковой она оставалась до первой четверти XX века.

Несмотря на меняющийся ход истории, политическую, социальную и экономическую обстановку в стране, зависимость от воли царствующих особ, лиц, управляющих Академией, произвола чиновников различных департаментов, деятельность

Библиотеки, тесно связанной с развитием научных знаний, по-прежнему способствовала росту передовых открытий, расширению связей с международными образовательными учреждениями, а также обмена литературой с западными академиями и университетами. Благодаря подвижнической работе членов СПб Академии возрастало понимание роли науки и образования в обществе.

Конец XIX и первая четверть XX вв. — период наиболее благоприятный для русской науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, однако оказался он недолгим — бурные драматические, социальные, политические события коренным образом изменили не только «картину жизни Академии», но и всей страны.

К счастью на правах рукописи в Библиотеке РАН сохранились протоколы заседаний Общего собрания Академии наук, с документальной точностью отражающие это время (1900–1928 гг.). Поскольку основным ее учреждением являлась Библиотека, то большая их часть освещает вопросы и проблемы, связанные с ее деятельностью. Из 324 заседаний ОС на 291 были рассмотрены вопросы, связанные с научной деятельностью библиотеки, получением и рассылкой книг, их хранением, предоставлением, изданием, а также цензурой. От их решения, которыми занимались непосредственно члены Общего собрания, зависела работа всего академического сообщества.

С 1898 по 1916 г. Императорскую академию возглавлял Константин Константинович Романов, видевший свое предназначение в служении Отечеству и народу, он чувствовал огромную ответственность на этом посту.

Первой его задачей было сделать академию более российской, стремился к тому, чтобы в научных учреждениях появлялось больше отечественных ученых.

Претворились в жизнь слова М.В. Ломоносова о том, что «будет собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонів Российская земля рождать». Имена таких великих ученых, как К.Э. Циолковский, Н.Е. Жуковский, В.И. Вернадский, И.П. Павлов, И.И. Сикорский, Д.И. Менделеев и многие-многие другие говорят сами за себя.

В представлении, сделанном академиками А.А. Шахматовым и К.Г. Залеманом в Собрании (1901 г., §188), дана характеристика Библиотеки этого периода: «Будучи по времени учреждения (в 1714 г.) древнейшим из столичных книгохранилищ, Академическая Библиотека из весьма скромных начала возросла ныне до таких размеров, что по количеству и ценности хранящихся в ней книг и рукописей уступает лишь Императорской Публичной Библиотеке и Библиотеке Румянцевского Музея в Москве. Вследствие долголетних сношений Академии с учеными учреждениями и обществами внутри и вне империи, научная периодическая литература представлена в Академической Библиотеке полнее, чем где-либо в нашем отечестве. В ней же, благодаря представленному ей праву получать по экземпляру всего, что печатается в России, сосредотачивается богатейший материал для истории отечественного образования и русской словесности».

В реализации достижений науки по всем направлениям этой новой исключительно плодотворной эпохи, судя по протоколам, огромную роль играло решение вопросов по обеспечению ученых необходимой литературой как отечественной, так и зарубежной. Неукоснительно выполнялись требования ученых о доставке, обмене, приобретении изданий. Ученый становился центром всей библиотечной деятельности, наука в полной мере была зависима от работы библиотечных сотрудников. Академик К.Г. Залеман отмечал: «Чем более возрастает академическая библиотека, тем более чувствуется необходимость поручать работы в ней опытным и всесторонне подготовленным

библиотекарям. Во время управления им II Отделением библиотеки он «постоянно старался развивать эти качества в своих помощниках и внушить им ту любовь к своим занятиям, без которой добросовестное исполнение служебных обязанностей невозможно» (§87, 1900 г.).

В Конференции, где заседали крупные ученые, цвет российской науки, решались такие, казалось бы, незначительные вопросы, которыми не должен был заниматься столь солидный ареопаг: повышение зарплаты, предоставление отпуска для поправки здоровья, выделение материальной помощи и др. Вопросы финансирования стояли на повестке почти каждое заседание. Академики утверждали сметы, например, на проведение выставок книжной продукции, устройство книжного склада, получение печатных экземпляров из-за рубежа.

Показательна традиция публиковать многочисленные списки дарителей книг, рукописей, целых библиотек, которые затем передавались в Библиотеку. Таким образом, выражалась благодарность и глубокое почтение мировым академиям, зарубежным и отечественным университетам, а также другим образовательным учреждениям и частным лицам, которые считали почетной обязанностью послать свои научные труды в Российскую академию наук. Следует отметить, что ни один из пожертвователей не был забыт.

В президентство К.К. Романова, при его непосредственном участии, произошли такие особенные, знаковые события для БАН, как, например, выделение участка для возведения здания Библиотеки и затем его постройка. Были решены вопросы об обязательных экземплярах и снятии цензуры на академические издания.

Важно отметить одну очень важную проблему, решением которой Конференция определила **научную деятельность Библиотеки на многие десятилетия вперед**. В свое время к середине XIX в. появилась потребность в подведении итогов многолетней деятельности Академии наук, в создании ее библиографической

модели, позволяющей составить представление об академической науке в целом. На Общем собрании Академии было вынесено предложение и затем поручено В.Н. Шемиоту (многие годы заведовавшего Книжной лавкой) составить дополнительные каталоги как на русском, так и иностранных языках. Первой такой работой и стал «Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно».

К концу XIX — началу XX в. в связи с необходимостью более широкого раскрытия научного наследия Академии был поставлен вопрос о подготовке полного каталога академических изданий, который бы отразил весь репертуар академических изданий и стал основой для создания последующих научных и библиографических трудов. Таким явился «Каталог изданий Императорской Академии наук» за 1726–1923 гг. И.А. Кубасова, который до сих пор остается незаменимым библиографическим пособием. Надо сказать, что по инициативе и непосредственном участии вел. кн. Константина Константиновича были созданы многочисленные комиссии, способствующие консолидации различных исследовательских направлений и тем самым усилению научных изысканий.

Так, 5 марта 1911 г. Конференцией было принято важное решение и о создании Информационно-библиотечного совета РАН. Он был призван оказывать помощь Библиотеке АН в решении всех вопросов, касающихся ее деятельности.

Первым ее председателем был назначен Непременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург. Затем долгие годы (вплоть до 1928 г.) он остается ее бессменным членом. Его яркая, плодотворная работа на посту будет поддерживать неизмеримые ничем начинания. В первые двадцать лет деятельности Комиссии директора БАН одновременно были ее председателями: ака-

демики М.А. Дьяконов (1915–1919 гг.), А.А. Шахматов (1919–1920 гг.), Н.К. Никольский (1920–1925 гг.), С.Ф. Платонов (1925–1928 гг.).

Основными задачами Комиссии стали: планомерная выписка иностранной научной литературы и распределение ее между БАН и специальными библиотеками с учетом их научных интересов; работа по сводному каталогу всех библиотек, входящих в состав единого академического книжного фонда, координация работ специальных библиотек с работами Центральной библиотеки.

В исследуемые годы деятельность Комиссии была направлена на решение проблем БАН, сети санкт-петербургских (ленинградских) библиотек, что, в сущности, и составляло библиотечное дело Академии наук в целом. За Комиссией сохранялось распределение сумм, ассигнованных на выписку книг между отделениями Библиотеки, необходимо также отметить, что благодаря высокому авторитету директоров БАН академик А.А. Шахматов, К.Г. Залемана и их преемников в Конференции по их инициативе постоянно обсуждалось большое количество вопросов, связанных с развитием библиотечного дела в Академии наук.

Деятельность Императорской академии наук в условиях политического кризиса 1914–1917 гг. приобрела активный, патриотический характер. Первая мировая война, революции, гражданская война привели к колоссальным потерям как музейных ценностей, так и книжных сокровищ: многочисленных владельческих библиотек, содержащих рукописи и книжные раритеты. Ничтожно мало осталось от созданного за тысячелетие культурного достояния нашей великой страны. Огромных усилий стоили уцелевшие шедевры. Подобные действия не могли оставить равнодушными истинных патриотов России, тревожащихся за сохранение отечественного культурного достояния. Конечно же, это были, в первую очередь, известные деятели науки. Так, «И. о. Непременного Секретаря от имени

нескольких академиков, участвовавших в частном совещании, обсуждавшем вопрос об охране памятников, находящихся в районе военных действий, внес следующее предложение:

“В настоящее время военные действия, как на нашем западном фронте, так и на южном, кавказском, происходят в местностях, где сосредоточено значительное количество драгоценных для науки памятников, коллекций и учреждений. На ряду с памятниками историческими, к которым относятся книгохранилища, хранилища рукописей, музеи и древности, ценными в научном отношении представляются и естественно-исторические коллекции, также опытные поля, защитные участки. Охранение и спасение этих памятников от возможной порчи, расхищения и уничтожения не может не заботить ученые и просветительные учреждения нашей страны. Академия Наук заинтересована в этом особенно. Для осуществления целого ряда действий, вызываемых необходимостью охранить и спасти исторические памятники и другие предметы, ценные для науки, находящиеся в районе военных операций, желательно командировать на оба фронта — западный и кавказский, несколько уполномоченных лиц”» (1914, ОС. IX. 208).

После Октябрьской революции необходимо было решать вопросы взаимодействия с новой властью. «20 февраля 1918 года Общим собранием АН, в ответ на обращение Наркомпроса РСФСР “о необходимости мобилизации русской науки”, было принято специальное постановление. Текст его был выработан комиссией под председательством С.Ф. Ольденбурга. Этот документ заканчивался главным положением о том, что “Академия всегда готова по требованию жизни и государства, принятая за посильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства”» (см.: СПб. Библиотечная школа. № 3. 2013. С. 31). А.П. Карпинский озвучил на Общем соб-

рании письмо (от 24 марта 1918 г. §112; Приложение № 1) Народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому с выражением готовности Академии наук принять участие в изучении производительных сил страны. В конце такая строка: «Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности».

Надо отметить, что большевистские деятели молодого государства относились к науке как важному компоненту строительства нового общества. К 1925 году (дата двухсотлетия Академии) удалось полностью восстановить состав Академии (многие ученые в период гражданской войны ее покинули). Библиотека завершила свой переезд в новое здание. Создавалась разветвленная система научно-исследовательских учреждений. Соответственно этому в 1928 г. Постоянная библиотечная комиссия под председательством академика С.Ф. Платонова при участии академиков С.А. Жебелёва, И.Ю. Крачковского, С.Ф. Ольденбурга выработала «Проект основных положений об организации библиотечного дела в Академии наук СССР» и «Проект положения о Центральной библиотеке». Оба проекта определили цели и задачи единого книжного фонда и сводного каталога всех специальных академических библиотек.

Далее Библиотека претерпит еще ряд реорганизаций, но это уже будет другое время, в котором хватит места и трагическим и вызывающим чувство гордости событиям. Но факт, что она перестала быть «первой ученой принадлежностью», вызывает большое сожаление.

Опубликованные протоколы — это один из периодов истории нашей Страны. Читателю представляется возможность общения с людьми, принесшими свой ум, талант, жизнь на алтарь Отечества. По документам реально можно увидеть достижения и недостатки в работе Академии и Библиотеки. Это может быть полезным тем, кто занимается историей и организацией науки.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОТОКА ЛИТЕРАТУРЫ ПО МУЗЫКЕ В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ КАТАЛОГЕ

И.А. Морева, В.Н. Синельченко

Систематический каталог научной библиотеки, служащий специалисту ключом для поиска литературы по нужной ему теме, принципиально консервативен. Поэтому все гипотезы и непроверенные предположения в каталоге решено не отражать, так как с вводом новых понятий его объемы будут стихийно разрастаться, терминология меняться, и если следовать последней, то одна и та же книга будет отражаться в трех-пяти разделах каталога, и найти ее будет чрезвычайно сложно. В связи с этим потребуются бесконечное редактирование, перегруппировка и пересистематизация согласно новым явлениям и понятиям, зачастую случайным в науке.

Для центрального систематического каталога Библиотеки Российской академии наук была принята следующая последовательность действий: новые понятия первоначально обсуждаются на методическом совете отдела научной систематизации литературы, затем вносятся на коллегиальное обсуждение соответствующих отделов РГБ и РНБ; после согласованного одобрения в таблицы ББК вводится новая рубрика и начинается сбор литературы по этому разделу, затем проводится перегруппировка карточек по новым рубрикам ББК и, если необходимо, пересистематизация некоторых изданий по новым рубрикам. После чего карточки заново вливают в систематический каталог.

Новая рубрика считается установленной, если за ней стоит не менее 150 карточек. Это бывает нечасто. Гораздо чаще встречается более дробная детализация поступающей литературы. Значительно более детальная систематизация необходима либо в специальных библиотеках (например, филиалах БАН, расположенных в научных институтах),

либо в отделах систематического каталога, которые постоянно пополняются новой литературой в связи с активным развитием доопределенной отрасли науки. Для облегчения поиска требуется разделить отдел на более частные подрубрики, используя только установившиеся понятия.

Некоторые признанные понятия также не всегда стоит отражать в каталоге, потому что литература, посвященная им, появляется нечасто и не пользуется спросом у читателей. Например, в Бюллетене ББК (1994. № 4) предлагается в разделе «Вокал» в таблице «Щ Музыка» выделить следующие рубрики:

- ◆ Народный голос
- ◆ Женский голос
- ◆ Детский голос
- ◆ Мужской голос
- ◆ Высокий голос
- ◆ Высокий голос без определения высоты
- ◆ Сопрано
- ◆ Тенор
- ◆ Дискант
- ◆ Средний голос
- ◆ Средний голос без определения высоты
- ◆ Меццо-сопрано
- ◆ Баритон
- ◆ Альт
- ◆ Низкий голос
- ◆ Низкий голос без определения высоты
- ◆ Контральто
- ◆ Бас

Применять такой подход имеет смысл в специализированных библиотеках, которые собирают свою «ведомственную» литературу и имеют возможность расписывать сборники. В универсальной

научной библиотеке такая дробность делений только затрудняет как работу каталогизаторов, так и читательский поиск. Подобные труды лучше ставить «выше» по схеме — в общий раздел соответствующей рубрики. В данном случае — в «Певческий голос».

Некоторые виды и жанры музыкального искусства по целому ряду исторически обусловленных причин не признавались в Советском Союзе таковыми, их никто не изучал, исследования о них отсутствуют, и поэтому в таблицах ББК им отводилось место — Ш(0)...-239 — «Другие стили и направления искусства». До середины 1990-х гг. в этом разделе было всего несколько наименований, и поиск в нем был очень прост. За постперестроечные годы литературы на эти прежде не разрабатываемые темы накопилось достаточно много и, судя по всему, тенденция эта сохранится в последующие периоды. Соответственно общее место ее размещения уже начинает затруднять поиск нужного для читателя материала, поэтому требуется ввод соответствующих рубрик в систематический каталог.

С конца 1980-х годов в музыкальном и танцевальном искусстве появились новые стили, ставшие очень популярными, соответственно это нашло отражение в литературе и, как следствие, в систематическом каталоге. Количество карточек в разделе увеличилось с 540 до 1250.

Среди множества новых видов танцев можно выделить некоторые уже устоявшиеся. Значит, они могут занять собственное место в систематическом каталоге.

В последнее время в печати появились глубокие и подробные исследования о танцах и музыке разных эпох и народов. Танец приобретает новые функции в качестве формы для других видов искусства, спорта, этнографических и сакральных обрядов. Схема для

новых разделов «Ш Танец» теперь может выглядеть так:

- ♦ Ш323(0)-14 — танец-ритуал
- ♦ Ш323(0)-16 — танец и спорт (танец как сопровождение)
- ♦ Ш 323(0)-18 — танец и изобразительное искусство
- ♦ Ш 325.47 — спортивный танец
- ♦ Ш326.5 — танец-модерн
- ♦ Ш326.8 — сюжетный танец
- ♦ Ш327.9 — малые хореографические формы
- ♦ Ш335.413() -327 — танец в опере
- ♦ Ш335.43()-327 — танец в оперетте
- ♦ Ш335.463() — танец в мюзикле

Количество литературы, посвященной эстраднему искусству, также возросло в четыре раза — с 576 до 2100 карточек. В последние десятилетия также вернулись в повседневный и научный обиход некоторые старые музыкальные жанры, например, церковная музыка. В схеме ББК 1964 года издания к церковной музыке относятся всего два индекса — Ш318.9 «Церковная музыка в целом» и Ш313(2Р=Р)3-44 — «Церковное древнерусское пение». В сегодняшней России с ее возрождением интереса к вере, церкви и церковному искусству этого явно мало. Необходимо разделить церковную музыку хотя бы по крупнейшим конфессиям. Для этого можно воспользоваться положением, заложенным еще в первом издании ББК: «Новые понятия, включение которых может понадобиться в дальнейшем, могут быть заиндексированы <...> путем комбинирования индексов разных отделов, разделов, подразделов"¹. Индексы конфессий в наших предложениях основаны на индексах раздела ББК «Э Религия».

- ♦ Ш318.93()...-372 — Православие
- ♦ Ш318.93()...-375 — Католицизм
- ♦ Ш318.93()...-376 — Протестантизм

¹ Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Вып. XXI. Ш Искусство. Искусствознание. М.: Книга, 1964. С. 15–16.

- ♦ ШЦ318.93()...-38 — Ислам
- ♦ ШЦ318.93()... — 34 — Буддизм
- ♦ ШЦ318.91 — Теория церковной музыки
- ♦ ШЦ318.93 — История церковной музыки
- ♦ ШЦ318.93()... -2 — Школы церковной музыки
- ♦ ШЦ318.93()...-44 — Церковные певцы
- ♦ ШЦ335.9 () — Музыкально-драматические представления в храмах и монастырях
- ♦ ШЦ318.9 () ...- 4 — Жанры церковной музыки (канон, молитвы, псалмы, мессы, литургии, мотеты, протестантские оратории и пр.)

По мере необходимости жанры церковной музыки можно уточнять, расширяя таблицу, детализируя «-4» в соответствующем индексе. Сейчас пока литературы для более подробного изучения этой музыки явно недостаточно. Однако, судя по всему, этот раздел будет довольно быстро пополняться и расширяться.

Достаточно закономерно и быстро разрастается раздел, посвященный поп-музыке. В целом эту тему можно было бы собирать под индексом ШЦ318.52, однако активное использование электронных инструментов в современной поп-музыке и музыке вообще, несомненно, позволяет выделить для них пока общую рубрику ШЦ315.93 «Электронные музыкальные инструменты». Своего места требует и компьютерная музыка. Этому понятию может соответствовать индекс ШЦ318.55.

Большую популярность приобрели музыкальные видеоклипы, уже ставшие самостоятельным видом музыкально-зрелищного искусства. Литература о них может размещаться под индексом ШЦ317.464.9.

Значение рок-музыки в мировой музыкальной жизни трудно переоценить. В Советском Союзе рок был почти на нелегальном положении. Сейчас ситуация коренным образом изменилась. В конце

1980-х гг. в данном разделе каталога было всего 30 карточек, а сегодня их 1600. Литература о группах и певцах, музыке и текстах идет потоком. Рок-музыка давно неоднородна — она распадается на целый ряд самостоятельных направлений. Исходя из общего индекса рок-музыки — ШЦ318.54, детализируя его, отдельные направления рока можно заиндексировать таким образом:

- ♦ ШЦ318.541 — тяжелый рок
- ♦ ШЦ318.542 — легкий рок
- ♦ ШЦ318.543 — поп-рок
- ♦ ШЦ318.545 — рок-авангард
- ♦ ШЦ318.546 — афро-рок
- ♦ ШЦ318.547 — барокко-рок
- ♦ ШЦ318.548 — джаз-рок
- ♦ ШЦ318.549 — фолк-рок

В свою очередь предметом серьезного изучения в наши дни становится джаз. С началом перестройки прежде полузапрещенная музыка стала культовой. Литературы на эту тему становится все больше — от 14 катужных единиц до 408, так что «на вырост» можно предложить следующий вариант таблиц по этому музыкальному жанру:

- ♦ ШЦ318.53 — джаз — общепринятый индекс
- ♦ ШЦ318.531 — новоорлеанский джаз
- ♦ ШЦ318.532 — чикагский
- ♦ ШЦ318.533 — свинг
- ♦ ШЦ318.534 — горячий (би-боп)
- ♦ ШЦ318.535 — кул
- ♦ ШЦ318.536 — прогрессивный
- ♦ ШЦ318.537 — хард-боп
- ♦ ШЦ318.538 — фри-джаз

Реклама в наши дни вездесуща. Очень часто она использует средства и способы разных видов и жанров искусства. Литературы по рекламе издается достаточно много. Следовало бы выделить некоторые виды подобной рекламы:

- ♦ ШЦ127.45 — торговая реклама в целом
- ♦ ШЦ127.31 — музыкальная реклама

Библиотечные технологии

- ♦ Ш127.32 — видеоклипы
- ♦ Ш127.33 — реклама в СМИ (пресса, радио, телевидение)
- ♦ Ш127.34 — театрализованная реклама
- ♦ Ш127.6 — изобразительные средства в рекламе
- ♦ Ш127.08 — цвет и свет в рекламе

Таким образом, высказанные в статье предложения свидетельствуют, что возможности «роста» ББК, заложенные в нее на первоначальном этапе создания, в настоящее время могут быть с успехом использованы в ходе систематизации литературы по музыке в крупной универсальной библиотеке.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Некоторые странички истории изучения

Т. Томихай

Графическая красота китайского иероглифа, его загадочность, таинственность, и, наконец, сложность начертания, сделали иероглиф предметом каллиграфического искусства. На протяжении двух тысяч лет многие мастера состязаются в этом виде искусства. Шедевры, оставленные великими мастерами кисти, удалось сохранить, спасти от разрушительных войн и стихийных бедствий. Этот вид художественного мастерства всегда предварял собой перечень других видов искусства в Китае: каллиграфия, живопись, поэзия, музыка...

Китайская письменность прошла путь длиной в 3,5 тысячи лет непрерывного развития. Известны и другие цивилизации, которые пользовались иероглифами в качестве письменных знаков. Например, в древнем Египте записи были сделаны иероглифами, но уже в IV веке до н. э. они были преданы забвению, их заменили алфавитным письмом. Та же участь постигла и клинопись древней Месопотамии, правда, несколько позже, в VII веке н. э. ...

Вызывает удивление и восхищение столь долгая жизнь китайского иероглифа. В XXI век он вошёл, несмотря на свой преклонный возраст, не только в качестве предмета эстетического восхищения, но активным участником государственной и общественной жизни. Иероглиф блестяще справляется со своей основной миссией: записью текстов в самых разных сферах: научной, технической и культурной.

Следует заметить, что китайскую иероглифическую письменность заимствовали еще в древние времена соседние государства, приспособив к особенностям своего языка. Так, в I веке н. э. Корея начала пользоваться письмом своего великого соседа, записав иероглифами свои

философские сочинения, исторические трактаты и литературные произведения.

В V столетии Япония, чей разговорный язык, культура, искусство так не похожи на культуру континентального соседа, положила китайские иероглифы в основу японской письменности. Китай предпринимал неоднократные попытки отказаться от сложного письменного знака и перейти на латинский язык, но, к счастью, безуспешно.

Судьба уготовила китайскому иероглифу долгую историческую жизнь. В наше время каждый четвертый житель нашей планеты говорит, пишет, читает по-китайски. Кроме того, сейчас не найти на земле уголка, куда бы не проникли китайцы. Так что их язык стал средством международного общения. Время требует дальнейших исследований, поиски новых способов более ускоренного овладения китайским языком. И здесь особая благодарность тем, кто взял на себя эту нелегкую ношу.

Последние десятилетия отмечены всплеском повышенного интереса к китайскому языку во всем мире. Интерес вовсе не праздный. Страна, являющаяся носителем древней культуры, вышла на передовые рубежи современного экономического развития, включила в свою орбиту целые народы и континенты. Трудность письменного знака, фонетическая особенность китайского языка не явились преградой, чтобы одна шестая часть населения земного шара, или каждый четвертый человек Земли, говорил, читал, писал по-китайски.

Современный словарь содержит около 80 тысяч иероглифов-слов, китайцы обогащают свой язык, не прибегая к транскрипции для выражения самых новейших научных и технических достижений, лексический запас и законы язы-

ка позволяют обходиться собственным лексическим арсеналом. Как ни странно, но древний иероглиф вполне точно передает любую современную информацию, выражает значение любого нового термина. Причем, бином как основная форма современной китайской лексики, успешно помогает справиться с этой задачей. Можно представить в качестве аргумента пару примеров из современной лексики. Например, «Дяньнао» 電腦. Первая часть этого слова означает молнию, электрический заряд, электричество; вторая часть — мозг. При чтении текста нет особой необходимости, чтобы понять и перевести значение самого востребованного ныне слова, не прибегая к помощи словаря. Два очень древних иероглифа использованы для передачи значения новейшего технического термина «компьютер». В слове «дяньчэ» 電車 знакомое нам «электричество» сопровождает «телегу, колесницу», создавая значение современного транспортного средства «электропоезд»; «дяньхуа» 電話 — изменилась опять только вторая часть слова, «хуа» — речь, разговор, образовав слово «телефон». Или взять общечеловеческое вечное слово «любовь», фонетически звучит предельно кратко 愛 «ай», графическое изображение кажется сложным до тех пор, пока мы его не проанализируем. Оно состоит из нескольких простых компонентов: когти, тонкая перегородка, сердце, причинять боль, бить. Более точно и не выразить это вечное общечеловеческое душевное состояние.

Мне бы хотелось напомнить некоторые странички из истории изучения китайского языка, вспомнить имена тех, кто выбрал тернистый путь исследователя, ученого, чьи озарения, открытия, ошибки служили импульсом, толчком к поискам научной истины. Титанический труд первопроходцев и их последователей, позволивший нам проникнуть в глубины уникальной китайской культуры, несомненно, вызовет в наших сердцах благодарность.

Первым, кто открыл Китай для Западного мира, следует назвать имя удивительного человека из Венеции Марко Поло...

В XIII веке в странах Средиземноморья расцветает торговля, её расцвет сопровождается открытием новых торговых путей в другие страны и континенты. Одним из таких смелых и отчаянных людей был венецианский купец Марко Поло. В своем продвижении на восток он добрался и до Китая. Более 13 лет находился на службе монгольского двора в Китае. Монголы, покорившие к тому времени полмира, завоевали и Китай, основав юаньскую династию (1271–1368). Хубилай, монгольский правитель Китая того времени, понимал, что завоевать народ можно, сидя в седле, но управлять покоренной страной, нельзя. Исторические записи подтверждают эту истину: хан Хубилай привлекал многих иностранцев из покоренных стран в качестве советников к управлению огромным государством, превосходившего победителя по уровню развития...

Китай к XIII веку являл собой древнейшую цивилизацию, завоеватели, покорившие к этому времени Среднюю Азию, тюрков, Русь, благодаря огромной армии кочевников, не имели опыта управления огромным государством, к тому же не доверяли китайцам. В Европе того времени одной из самых развитых стран особенно в торговом отношении является Италия. На поиск новых торговых путей эта европейская страна отправляет смелых мореплавателей, купцов, миссионеров. Одним из таких и был венецианский купец Марко Поло. Он добрался до одной из самых отдаленных стран, еще не известной Европе, китайской империи. Правда, к тому времени еще недавно великая держава находилась под властью монголов. Марко Поло своими познаниями, смелостью суждений завоевал доверие монгольского правителя, что обеспечило ему возможность находиться при Дворе в качестве советника Хубилая. Длительное пребывание при дворе монгольской династии

в столь почетной должности позволили европейцу накопить знания о самых разных сторонах жизни восточной страны.

По возвращении на родину его восторженные рассказы о далекой стране, её богатствах, обычаях, ...были записаны и стали сенсацией в Европе.

Некоторые современные исследователи подвергают сомнению достоверность факта путешествия Марко Поло в Китай. В качестве одного из аргументов приводят отсутствие сведений о китайском языке, его специфике. Сторонники исторической достоверности путешествия великого итальянца в Китай, приводят весомые аргументы, подтверждающие факт длительного пребывания Марко Поло в Китае. Ведь он находился при монгольском дворе, монголы в начале своего правления пользовались собственной письменностью, выработанной на основе тибетского письма по указу новых правителей. Сложность китайской иероглифической письменности, трудность овладения ею заставили прибегнуть к созданию своего монгольского письма, от которого все-таки монголы со временем отказались, перейдя на язык завоеванного народа. (Как, впрочем, не раз бывало в Китае, когда кочевые племена нападали на страну, покоряли её, но вскоре воспринимали язык, культуру, обычаи побежденного народа). В период пребывания Марко Поло в Китае при правящей монгольской династии китайский язык не был признан официальным языком. Вторым аргументом в защиту итальянца вполне может служить неграмотность Марко Поло, о чем говорит факт, что его впечатления о 13-летнем пребывании в Китае были записаны с его слов другим человеком. Другие же богатейшие сведения о культуре, особенно материальной, городах, их административном управлении, торговле соответствующим действительности. Имя великого итальянца, венецианского купца Марко Поло навсегда вошло в историю как первооткрывателя Китая, нового торгового партнера для развивающейся Европы.

Следующий важный шаг на пути познания Китая Европой был совершен только в 1516 году. Характер его был иным, он связан с миссионерской деятельностью португальских, затем испанских миссионеров. Главная цель их — расширить сферу католичества, распространить его веру на новых территориях, обратить в католическую веру другие страны. Изучение китайского языка не входило в планы миссионеров, они ограничивались латинской транскрипцией, Европа долго еще не имела представления о специфике китайского языка и его письменности.

Огромная заслуга в подготовке встречи Востока и Запада на новом уровне принадлежит португальскому миссионеру Маттео Риччи (1552–1610). Значение его деятельности имело всемирно-историческое значение, стали постоянными контакты между христианской Европой и замкнутым китайским обществом.

Маттео Риччи родился в дворянской семье, образование получил в университете, куда поступил после колледжа, где изучал географию, астрономию, юриспруденцию под руководством известных ученых того времени. В 1578 году был зачислен в орден иезуитов. Путь его из Лиссабона в Китай проходил через Индию. Но уже в 1582 году его направляют в Макао, где состоялась встреча с Микело Руджери, оказавшем огромное влияние на молодого человека. На протяжении 18 лет они вместе занимались миссионерской деятельностью. Маттео Риччи, блестяще образованный молодой человек, последовал примеру М. Руджери — сразу же приступил к изучению китайского языка и быстро им овладел. В 1597 году он возглавил иезуитов в Китае. Вскоре последовали переводы с латинского языка на китайский произведения Эзопа, Эвклида и другие сочинения европейских авторов. Маттео Риччи подготовил географические карты, которые расширили представления китайцев о мире. Им были составлены китайско-португальский и португальско-китайский словари. Он читал сочинения ки-

тайских историков и философов. Вскоре Маттео Риччи «сменил монашескую сутану на тогу конфуцианского ученого». Это выражение скорее касается внешнего облика, он действительно носил платье китайского ученого, что упрощало общение с ними в государстве, где внешние атрибуты играли весьма важную роль. (Кстати, Иакинф Бичурин, глава русской православной миссии в Китае, основоположник отечественной синологии, тоже был облачен в платье китайского ученого, сохранилось несколько портретов, подтверждающих этот факт, что не умаляет его деятельность в качестве миссионера). Для Маттео Риччи его миссионерская деятельность была на первом месте, хотя то, что он сделал как синолог, тоже имело исключительно важное значение для европейской науки о Китае. После посещения южных городов Китая, он добрался до столицы, круг общения с китайскими учеными был широк, длительное время находился в императорском запретном дворце. За время пребывания в Китае португальскому миссионеру удалось обратиться в католическую веру свыше 3 тысячи китайцев. В Пекине он начал строить церковь, незадолго до окончания строительства на 58 году жизни Маттео Риччи скончался. Он был первым европейцем, похороненным на китайской земле.

Если синологию рассматривать как комплексную науку, возникшую благодаря нуждам миссионерской проповеди, так как разрабатывалась первоначально, в основном, монахами ордена иезуитов, то первыми синологами по праву считаются итальянские иезуиты Микэли Руджери с 1579–1588 и Маттео Риччи, который прожил в Китае с 1582 по 1610-й. Его «Дневники о христианских экспедициях в Китай» сразу стали общественным явлением, дав мыслителям эпохи Просвещения огромный материал для сравнительного исследования цивилизации Востока.

В XVII–XVIII веках центром синологии стал Париж. При императорском дворе высоко ценились именно француз-

ские технические специалисты, что давало возможность французам заниматься разными видами деятельности в сфере науки и культуры. В 1736 году появилась первая сводная монография «Описание китайской империи» Дюалье. Круг интересов французских сиологов был широк: от древней истории, литературы, письменности до прикладного искусства, предметов быта.

Великий французский философ Вольтер внимательно следил за событиями в Китае по исследованиям своих соотечественников. Поклонник древней китайской философии видел в Китае пример идеальной «философской монархии».

Синология XIX во Франции представляла собой светскую академическую дисциплину. Жан-Пьер Абель-Ремюза (1788–1832), Анри Масперо (1883–1944), Эдуар Шаванн (1865–1918) — лучшие представители французской синологической школы. Ими переведены с китайского языка исторические, философские, литературные сочинения. В учебных заведениях Франции проводились занятия по китайскому языку, составлялись учебные пособия по столь необычному на то время для европейца языку. Именно во Франции большое внимание отводилось для перевода с китайского языка древних философских и исторических памятников, таких как, например, «Луньюй» — «Беседы и суждения» Конфуция (551–479), «Шицзи» — «Исторические записки» Сыма Цяня (145–86) — китайского «Геродота».

Анри Масперо — лучший из лучших сиологов французской школы. Научный диапазон исключительно широк. Его исследования по вопросам китайской философии, истории, религии, диалектологии для многих европейских сиологов были базовыми. Он исследовал «Чаньаньский диалект» (столичный) эпохи Тан (618–906). Один из первых ученых, выдвинувший идею об отсутствии в китайском языке частей речи, грамматических категорий, свойственных европейским грамматикам. Преждевременный уход

из жизни (он погиб в фашистском лагере смерти в 1944 году) помешали развить, глубже обосновать идеи, которые будут разрабатывать ученые, спустя много лет после него.

На примере Англии можно видеть иной путь налаживания контактов Европы с китайской цивилизацией. Английская Корона, к тому времени подчинившая себе Индию, извлекавшая огромные доходы из неё, попыталась повторить приобретенный опыт и по отношению к Китаю. В 1704 году Британская Ост-Индская компания начала свою торговую деятельность в Кантоне и др. южных городах Китая. Торговля шерстью и чуть позже опиумом бенгальского производства приносила Англии огромную прибыль. Поэтому основной целью Британской империи было экономическое проникновение в Китай, а затем и полное порабощение страны. Запрет китайского правительства на ввоз огромного количества опиума привел к «опиумным» войнам, жертвы, которые несла китайская сторона, были ужасающими. Опиумные войны начала и середины XIX века закончились поражением Китая. Вооруженные силы Англии превосходили китайскую армию по техническим параметрам и владению современными методами военных действий. Согласно несправедливому Нанкинскому договору (1842г.) Англии отошел Гонконг и другие китайские территории. Политика Великобритании по отношению к Китаю даже и не пыталась прикрываться религиозным фанатизмом.

Российская синологическая школа развивалась в рамках Духовной миссии. Ещё в 1715 году в Пекине была создана Русская православная церковь. Первоначально в её задачу входили обязанности религиозного обслуживания русских людей, волею судеб оказавшихся в Китае. Позже духовные служители Русской православной миссии выполняли и дипломатические функции.

Из числа священнослужителей Русской православной церкви непременно нужно выделить одного из достойнейших

сыновей отечества. Имя его — Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф) (1777–1853). Он по праву является основоположником русской науки о Китае, им заложена научная база русской синологической школы. Книги по философии, истории, литературе, астрономии, юриспруденции, привезенные им из Китая, до сих пор являются бесценным научным фондом в российских библиотеках. Русская наука о Китае с именем Иакинфа Бичурина приобрела реальные черты. За целое столетие до Бичурина Российское правительство неоднократно предпринимало попытки установления дипломатических отношений с великим восточным соседом. Важность таковых особенно понимал Петр I. Его указ о необходимости изучения китайского языка датируется 1701 годом. Понадобилось длительное время для реализации его планов.

В 1807 году в качестве главы русской православной церкви в Пекин прибыл Иакинф Бичурин в возрасте 31 года. Он был родом из семьи священника, родился в селе Акулово (по другим источникам — Бичурино) Чебоксарского уезда Казанской губернии. Начальное образование получил в приходском Певческом училище. Природное дарование, жажда познания привели его в Казанскую духовную семинарию, которую он закончил с отличием. В 1799 году, после окончания Казанской Духовной Академии, был оставлен для преподавательской работы в академии. Принял монашеский сан.

1802 году он был назначен архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь, был ректором Духовной семинарии. Стремительный карьерный взлет неожиданно был прерван служебным конфликтом, ему было предъявлено обвинение в нарушении монастырского устава. (Он предоставил приют крепостной актрисе).

В 1807 году Иакинфа Бичурина направляют в Китай в должности Главы Русской Духовной миссии в Пекине, где он бесменно находился до 1822 года. Его предшественники службу в столь отдаленном краю, где чужие люди, их обычаи

и нравы, непонятный язык и, наконец, кухня, столь чуждая россиянину, воспринимали как суровое наказание, своеобразную ссылку. Многие служители не выдерживали условий, спивались от тоски и умирали, не дождавшись возвращения на родную землю.

Будучи высокообразованным человеком, новый архимандрит сразу приступил к служебным обязанностям, выполнение которых требовало непременно овладение китайским языком. Иакинф Бичурин начинает активно изучать китайский язык, обычаи китайцев, их занятия сельским хозяйством, промыслами. Понимая важность литературы, он много усилий затрачивает на приобретение книг по истории, философии, религии, юриспруденции, административному устройству китайского государства.

Чтение, перевод, понимание текстов, записанных совсем необычными письменными знаками, требуют составления словарей, за активную работу над ними принимается архимандрит Русской православной церкви. Собственноручно он переписывает 4 экземпляра первого китайско-русского словаря. Труды Бичурина по составлению географических карт, описанию сопредельных стран (например, Тибета) составили огромную службу не только российскому Китаеведению.

После 15-летнего пребывания в Китае в 1822 году Бичурин возвратился на родину. Его сопровождал караван из 15 верблюдов

Бесценный багаж китайской книжной мудрости, собранный достойным сыном российского отечества, был доставлен на родную землю.

Родина по заслугам «оценила» титанический труд своего посланника: его ждал суд Синода. Он был обвинен в растрате церковного имущества, этот факт действительно имел место быть. Оправданием даже не послужила истинная причина нарушения церковного устава. Второй срок пребывания Иакинфа Бичурина на посту главы Русской православной миссии по времени совпадал с войной России

против Наполеона. Правительство, занятое военными проблемами, забыло о своих соотечественниках в Китае, не посылало никаких средств для поддержания жизни русских людей. Ради спасения вверенных ему служителей, архимандрит вынужден был пойти на крайние меры — продажу части имущества, являющегося собственностью русской церкви. По возвращении на родину с Иакинфа незамедлительно был снят сан архимандрита и он был отправлен в заточение в Валаамский монастырь.

Петербургская общественность была взволнована судьбою великого соотечественника.

В 1826 году К.В. Нессельроде, З.А. Волконская обратились с просьбой к царствующей особе — Николаю I — помочь опальному монаху, приводя в качестве убедительных аргументов, что знания Бичурина могли бы принести большую пользу отечеству. После этого, в том же 1826 году, последовал его перевод в Министерство иностранных дел Российской империи, где он служил в качестве переводчика с китайского языка.

Через два года его избирают членом-корреспондентом Российской академии наук в отдел восточной культуры. Одновременно он работает библиотекарем Санкт-Петербургской публичной библиотеки, где вскоре появилась уникальная работа «Реестр китайских и маньчжурских книг в Санкт-Петербургской публичной библиотеке», вызвавший огромный интерес и среди европейских синологов.

Экспедиция Никиты Яковлевича Бичурина в Забайкалье в 1830 году отмечена важными событиями: собраны уникальные тибетские и монгольские книги по медицине и создана первая в России школа китайского языка в Кяхте, где преподавателем был сам Бичурин. В Забайкалье он встречался с декабристами: А.П. Бестужевым-Рюминым и И.И. Пущиным.

Научный диапазон этого человека выходил далеко за пределы китайского языка

ка. В 1851 году Бичурин закончил труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

В 1853 году закончился жизненный путь Никиты Яковлевича Бичурина, великого труженика Науки. В Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга есть могила, на надгробии из белого мрамора надпись: Иакинф Бичурин (1777–1853). Прекрасными иероглифическими знаками написаны слова о преданности науке, верном служении отечеству Никиты Яковлевича Бичурина.

В 1972 году вышла книга В.Н. Кривцова о жизни и деятельности великого труженика «Путь к Великой стене». Автор книги прошел по маршруту Иакинфа Бичурина, собрал драгоценные сведения о фактах его биографии. Своеобразный научно-художественный роман В.Н. Кривцова — достойная дань одному из замечательных сыновей России.

В 1855 году центр китаеведения переместился из Казани в Петербург, где на базе приобретенных Бичуриным научных материалов развивается практическое изучение и теоретическое исследование китайского языка, истории и литературы. Начинается новый этап в научном востоковедении, исследования ученых-востоковедов становятся общим достоянием, позволяющим более оперативно использовать научные факты, публикации, обмениваться мнением, использовать научные достижения друг друга.

Русскую синологическую школу представляют имена, достойные основоположника китаеведения по своей преданности избранному тернистому пути ученого. Это профессор Петербургского университета В.П. Васильев, академик В.М. Алексеев, Ю.К. Щуцкий, А.А. Штукин и многие другие. К сожалению, невзгоды, выпавшие на долю основоположника китаеведения в России, не обошли стороной и его последователей. Российскую синологию 30-х годов XX столетия справедливо называют обескровленной, судьбы многих блестящих ученых были

искалечены длительным пребыванием тюремного заключения, а некоторые вовсе были лишены жизни.

Германскую страницу в истории теоретического исследования китайского языка заслуженно представляет Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) — крупнейший в мире теоретик по вопросам происхождения языка. Им созданы научные труды по истории, литературе, эстетике, юриспруденции и другим разделам науки.

К теоретическому исследованию языка приступил в конце жизни после отхода от государственной и дипломатической службы.

В 1820 году в Берлинской академии Наук Вильгельм фон Гумбольдт прочитал первый доклад «Сравнительное изучение языка применительно к разным эпохам их развития». Дальнейшие исследования теории языка народов разных стран проводились также методом сравнения в соответствии выработанной им концепции. Он выделил 4 стадии развития языков, к 4-й стадии немецкий ученый относил языки развитых цивилизаций, важнейшим признаком развитого языка, согласно концепции Гумбольдта, был флективный характер языка. Но поскольку иероглифическая письменность китайского языка не располагала этой особенностью, то ему, китайскому языку, отводилось в таблице немецкого лингвиста место архаичного, примитивного языка. Столь «уничжительная» оценка Вильгельма Гумбольдта вызвала протест европейских ученых и негодование у китайских языковедов. Самым весомым аргументом противников концепции немецкого ученого было огромное количество письменных памятников по философии, истории, литературе, искусству, написанных архаичным «примитивным» языком.

Мог ли ошибиться в своих научных выводах крупнейший теоретик языка, чьи труды питают мировое языкознание уже полтора столетия? В науке это случается нередко. Но очень часто гипотезы, заблуждения тех, кто идет первым

по неизведанному пути, играют огромную позитивную роль для тех, кто идет за ними. Иногда нужен всего лишь толчок, импульс, подсказывающий направление, в котором следует двигаться мысли, зашедшей в тупик. В данном случае, эту роль сыграл научный вывод немецкого лингвиста. С одной стороны, нельзя же отрицать древность китайского языка, многие иероглифы представляют собой некий рисунок, картинку, пиктограмму (вспомним древние египетские надписи на саркофагах в Санкт-Петербургском Эрмитаже). И это, действительно, архаичный, первобытный пласт и он имеет место быть в китайском словаре. Но огромный процент словаря составляют идеограммы, состоящие из простых элементов, они несут идею, выражают смысл. Например, личное местоимение первого лица — Я («ВО») 我 состоит из двух составных частей: рука и копьё, (в) руке оружие, «я» — воин, тот, кто способен защитить других членов общины, общества. Почти каждый иероглиф поддается расшифровке (дешифровке). Или, например, еще один сложный иероглиф, состоящий из 4 простых (а количество черт — 13) верхняя часть этого иероглифа имеет значение «когти, они впииваются в тонкую перегородку-крышку, прикрывающую собой «сердце», в самом низу — элемент, означающий ударять, причинять боль. Так китайцы выразили общечеловеческое понятие «любовь, любить» -ай 愛, самое возвышенное чувство выразили через страдание, боль. Сможем ли мы, живущие в XXI веке, возразить трактовке этого слова-иероглифа.

Так что Вильгельм фон Гумбольдт, включив и китайский язык в анализ мировой картины языка, не подошел дифференцированно ко всему составу словаря, к тому времени, насчитывающему 49 тысяч слов-иероглифов, одни из них родились в глубокой древности, другие — продукт последующих периодов времени. Гумбольдт на какой-то момент отошел от его же научного убеждения о том, что язык развивается, он не яв-

ляется чем-то неизменным, застывшим. Согласно Гумбольдту, китайский язык архаичный, соответствует действительности, но не отвечает истине, он примитивный, носитель языка — неразвитое общество. Многие, особенно китайцы увидели «уничужительный» характер оценки немецкого ученого. Уровень развития китайской цивилизации, достижения её в области культуры, искусства, науки ниспровергали данную оценку. Возможно, как точно подметила И.Г. Зубова, «Лингвистическое учение В. Гумбольдта возникло в русле идей немецкой классической философии». Известный современный специалист по языкознанию В.М. Алпатов заметил, что «идеи великого немецкого лингвиста относительно стадильности в развитии языка, попытки выделить более развитые языки, несколько устарели». Но ему принадлежит огромная заслуга в импульсе, который взбудоражил умы, ждавшие этого толчка.

Аналогичную роль сыграл своим открытием в синологии шведский лингвист Бернхард Карлгрен (1899–1974). (Кстати, он изучал китайский язык в Санкт-Петербурге). В 1910 году Карлгрен подготовил описание диалектов 24 провинций, в 1915 году защитил докторскую диссертацию на французском языке в Париже, научные статьи писал на английском. С 1939 по 1959 год бессменно находился на посту директора музея дальневосточных древностей в Стокгольме, был главным редактором научного журнала «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities». Бернхард Карлгрен был первым ученым, который использовал сравнительно-исторический метод применительно к китайскому языку.

Заголовок одной из статей Б. Карлгрена настолько был неожиданным и смелым, что произвел ошеломляющее воздействие на тех, кто знает китайский язык.

Поскольку он специализировался по вопросам исторической фонетики древнекитайского, он реконструировал фонети-

ческое звучание местоимений ханьского периода (II век до н.э. — II век н.э.) и пришел к постановке вопроса о возможности флективного характера протокитайского языка. Статья, опубликованная в 1920 году, называлась: «Протокитайский язык — язык флективный?».

Наличие флексий в древнекитайском языке в той или иной мере спустя определенное время допускались русскими и китайскими синологами. Она произвела не менее сильное воздействие на умы китаистов, привлекла много сторонников и противников этой гипотезы как в Европе, так и самом Китае. Разгоревшиеся дискуссии по этому вопросу имели место и среди российских сиологов. Многих привлекала и мысль о том, что предельно лаконичный древнекитайский язык (иногда одно слово могло быть и целым предложением) мог выполнять своеобразную функцию аббревиатуры. Мысль сама по себе исключительно интересная, независимо от того будет подтверждение или отрицание данной гипотезы.

Сравнительно-исторический метод исследования созрел и только ждал толчка, который бы помог кристаллизации этого метода. Именно таким импульсом в китайском языкознании послужило открытие шведского сиолога Бернхарда Карлгрена (1899–1974).

Усилия ученых разных стран подготовили почву для возникновения в конце XX — начале XXI веков научной гипотезы Топика и Комментария в китайском языке и проблемы частеречности. Лингвистические проблемы настоятельно требовали своего теоретического и практического решения. Как часто в истории научной мысли не достает некоей подсказки, толчка, привести в движение застывшую идею, чтобы четко сформулировать вопрос и попытаться на него ответить. Конечно же, кроме этого необходимо появление личности, чьи интеллектуальные способности, талант отвечали бы необходимым требованиям.

Таковой фигурой можно считать Чжао Юаньжэня. Биографические данные его

играют не последнюю роль, они важны в нашем контексте.

Чжао Юаньжэнь (1892–1982) — американец китайского происхождения. После 1938 года работал в Соединенных штатах Америки. В его научном багаже китайское классическое образование плюс современные европейские достижения в области лингвистики, биологии, астрономии, музыки, живописи. Именно такой научный диапазон позволил ученому поставить вопрос Топике и Комментария в китайском языке. Отныне мировое языкознание не только не может игнорировать китайский язык, но и изменить угол зрения в отношении к нему, пересмотреть многие положения этой науки.

Задача, поставленная мною, — назвать имена тех выдающихся личностей, чьи научные ошибки и заблуждения вели к великим открытиям, служили своеобразным импульсом к поиску истины. Поэтому мне придется сделать шаг на столетие назад, и прервать на некоторое время знакомство с Чжао Юаньжэнем, чтобы представить его соотечественника Ма Цзяньчжуна. Именно он нарушил известную нам заповедь «Восток есть восток, а Запад есть запад и...». В 1898 году в Шанхае была опубликована грамматика китайского языка господина Ма Цзяньчжуна «Ма ши вэнь тун», которая произвела фурор как среди китайцев, так и европейцев.

В книге господина Ма впервые в мировой науке были изложены грамматические правила китайского языка по стандарту европейских грамматик. Для европейцев иероглифические тексты представляли собой поток иероглифов без знаков препинания, без каких-либо синтаксических или морфологических признаков. Вначале это вызывало шокирующее воздействие на того, кто приступил к чтению подобного текста, приводило в отчаяние безнадежности понять смысл написанного (автор этих строк в полной мере испытала на себе все сказанное). Что же касается самих

китайцев, они свободно себя чувствовали в иероглифическом море-океане. Сейчас знаем, что китайский язык живет и всегда жил по строгим правилам и законам, просто они были неведомы европейцам. Только титанический труд многих ученых выявил закономерности языка, разбросанные в самых разных письменных памятниках: словарях, учебных пособиях по стихосложению, рекомендациях по живописи, географических сочинениях. Как оказалось, в китайском языке имеется великое множество служебных слов, помогающих определить начало и конец фразы, глаголы и времена их, главные и второстепенные слова, предлоги и союзы и т. д. «Скрытая грамматика» так назвала грамматику китайского языка, специалист по древнекитайскому и современному языку Тань Аошун. Но поскольку страна пребывала в длительной изоляции, с европейскими странами не было контактов, то и не было необходимости создавать для европейцев грамматические пособия. Что касается неоднократных завоеваний самого Китая кочевыми племенами и народами, то происходили удивительные явления: победители поддавались воздействию культуры побежденных, усваивали её вместе с китайским языком.

Ма Цзяньчжун был представителем другого времени, когда Китай стал выходить на международную арену, появилась необходимость овладеть языком европейцев, которые в свою очередь нуждались в усвоении языка китайского партнера. Господин Ма был весьма образованным человеком. Он учился во Франции, кроме французского, владел английским, греческим и латинским языками. Работал переводчиком при Китайском посольстве. Вполне логично, что он оценил важность грамматики, помогающей усвоить иностранный язык. Именно руководствуясь этими побуждениями, он начал работу над аналогичным грамматическим пособием по китайскому языку, которая продолжалась

10 лет. Время, затраченное на этот труд, говорит о степени сложности подчинить китайский язык европейскому стандарту. Опыт Ма Цзяньчжуна сыграл ту же роль, всколыхнул умы китайских лингвистов, лишил их покоя, указав им направление научных поисков. Но сам автор грамматики был подвержен жесточайшей критике со стороны соотечественников и европейских синологов. К счастью, находились и сторонники, которые поддерживали автора в его революционных начинаниях.

Основанием поставить рядом имена двух ученых (Чжао и Ма), разделенных во времени в целое столетие, ещё является и тот факт, что они оба достойно представляли обе культуры, восточную и западную, китайскую и европейскую. Глубокие знания родной культуры и усвоение западной способствовали рождению новой концепции, которая не могла появиться в одной отдельно взятой культуре.

До определенного времени основным источником развития концепции лингвистики как науки служили европейские языки, большинство которых были с точки зрения типологического разделения флективными.

Для составления объективной картины лингвистического мира недоставало китайского языка, по своей структуре отличающегося от языков флективного строя. Назрела необходимость сменить угол зрения относительно китайского языка.

Американские лингвисты Чжао Юаньжэнь, Чарльз Ли и Сандра Томпсон выдвигают революционную концепцию относительно синтаксической модели Топика и Комментария как явления базисного. Они рассматривают Топик как сегмент высказывания, несущего основную смысловую нагрузку, который составляет центр внимания, становится развернутым подлежащим.

Появилось понимание того, что для выражения идеи языка следует опираться не на подлежащее и сказуемое,

а на синтаксические категории Топика и Комментария, как основные части предложения, находящиеся в предикативной связи («характеризуемое — характеризующее»), как более естественные и первичные и ведут себя свободно по отношению друг к другу. Связь утверждается актом говорящего.

Топик и Комментарий представляют собой базисный тип предложения в любом языке. Эта концепция раскрыта, доказана и дополнена в блестящем исследовании В.А. Курдюмова «Курс китайского языка. Теоретическая грамматика» (2005). Открытие этих категорий в китайском языке как нормы, как стандарта, сделали его объектом пристального внимания не только синологов, но и мировой лингвистики в целом. Материал китайского языка стал основой для описания таких грамматических категорий как Топик и Комментарий и для синологии, и для общей лингвистики. И когда западное языковедение признает категории Топика и Комментария универсальными, тогда станет возможным создать универсальное построение языка.

Несомненно, будущие исследователи китайского языка сделают новые открытия, но они, вне всякого сомнения, также будут базироваться на результатах научных исследований своих предшественников, которые прошли долгий и трудный путь от полного непонимания, непризнания до истины, когда придется пересмотреть мировое языкознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.
2. *Караетьянц А.М.* О специфике грамматического строя китайского языка. Сб. тезисов. М., 1986.
3. *Крюков В.М., Хуан Шуин.* Древнекитайский язык: тексты, грамматика, лексический комментарий. М.: Наука. 1978.
4. *Кривцов В.Н.* Путь к Великой стене. Л.: Лениздат, 1972.
5. *Курдюмов В.А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-Трейд: Лада, 2005.
6. *Ли Чарльз и Томпсон Сандра.* Новое в зарубежной лингвистике. Китайский язык как идеальный объект лингвистической теории. Подлежащее и топик: новая типология языков. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск IX. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982.
7. *Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
8. *Солнцева Н.В., Солцев В.М.* Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1978.
9. *Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М., 2002.
10. *Chao Y. R / A Grammar of Spoken Chinese / Univ. of California Press. 1968. 848 p.*

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА «ГОНКОНГ, МАКАУ И КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ СВЯЗИ»

Т.И. Виноградова

Полученное мною в апреле 2013 г. приглашение принять участие в работе международного форума под названием «Гонконг, Макау и китайско-российские связи» (Hong Kong-Macau & Sino-Russia

relationship forum 2013), который должен был состояться 19–22 августа в университете Сюэ Янь в Гонконге и в комитете по культуре правительства Макау, поставил меня в затруднительное положение

ние, ибо я отнюдь не считаю себя специалистом в области российско-китайских отношений. Делать, однако, было нечего, и так как приглашена я была как библиограф, то и решила посмотреть, что было написано в России о Гонконге и Макау. Имеющееся представление о том, что ранних русских свидетельств об английской и португальской колониях на территории Китая не может быть много, подтвердилось. Русские давно и часто ездили в Китай, но по суше и на север страны, об этом написано и опубликовано множество путевых заметок, очерков, результатов полевых экспедиций. На китайский юг русские попали достаточно поздно, и не все, кто там был, оставили какие-либо воспоминания о своих путешествиях, но тем ценнее информация, которой мы располагаем.

Парадоксально, но первое и довольно колоритное описание Макау на русском языке принадлежит человеку, который никогда там не был.

Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (Nicolae Milescu Spătaru) (1636–1708), грек по происхождению, родился на территории современной Молдовы, учился в Константинополе и Италии, был богословом, географом и полиглотом. В Молдове его чтут как создателя литературного молдавского языка, ему установлен памятник, выпущены памятные почтовые марки с его изображением.

В 1675–1678 гг. Спафарий возглавлял первое русское посольство в Китае, он всерьёз занялся изучением страны и ее языка, что позволило ему собрать много ценных сведений. Посольство Спафария проделало огромный путь по Сибири, Забайкалью и Китаю, проложив путь из европейской России в Китай, которым русские пользовались потом в течение столетий. Широко известны дневники его путешествия в Китай. Однако в самом Китае Спафарий нигде, кроме Пекина, не был, в течение долгих месяцев ожидая аудиенции у императора и коротая время в беседах с иезуитами, уже прочно обос-

новавшимися к тому времени при цинском дворе.

Очевидно, к тому времени относится идея написания амбициозного сочинения — описания Вселенной, и начать этот труд Спафарий предполагал с Азии — «первой части Вселенной» и Китая. Рукопись его книги называется «Описание первые части вселенныя, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции», впервые была издана в Казанском университете, родине отечественного востоковедения, лишь в 1910 году¹. Мы имеем дело с уникальным опытом издания типографским способом написанной по церковнославянски рукописи с сохранением всех особенностей оригинала.

Вот отрывок из главы XLIX, которая называется «Описание второй на десять страны китайския именем Квактун, коликую имеет под собою болших и менших городов в содержании» (страницы 167–170): «Из оных же меньших городов в тех местах есть один город португанский Макау именем, построен на морском острове, на самом носу того острова, который считается с богатыми индийскими и китайскими городами. И так в крепком месте построен, что никакой не боится силы человеческой, понеже кругом его море, и аки бы язык земляной, а море оное мелкое, ближе корабли не приближаются. И хотя и пристанище имеется, но в пристанище построена превеликая крепость, при которой корабли ходят. На оной же крепости обустроены башни, и на них превеликие пушки, их же делают из японской и китайской меди, и посылаются во всю Индию, и там их премножество есть. В сём же городе был прежде всего поставлен идол именем Ама ага, сиесть пристанища хранителя, и отдуду имя сей город восприял. Сами же убо китайцы позволили португанцам тут на острове жити для торгу, а ныне в тех построен город зело великой, богатой и многолюдной, и всякие тавары из Европы и Индии туда приходят, такожде и китайские тавары также збираются».

В качестве курьеза можно привести небольшую статью из журнала «Азиатский вестник» под названием «Краткое описание китайских городов Нанкина и Макау, принадлежащего португальцам. С английского Ф. Созонович (из книги Kelly's new system of Universal Geography)»². Вопреки заявленному, статья содержит подробнейшее описание Кантона, несколько строчек о Макау, и — ни слова о Нанкине! «Азиатский вестник» — ежемесячный научно-литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1825–1827 гг. Выпускался горным инженером, историком Сибири Г.И. Спасским как продолжение его «Сибирского вестника», но с более обширными и разнообразными материалами: статьями, очерками и переводами, относящимися к Центральной и Юго-Восточной Азии.

С Гонконгом русские познакомились гораздо позднее, чем с Макау, и это было уже время других межгосударственных отношений. Макау к тому моменту, как о нем впервые узнали русские, принадлежало Португалии уже давно и, как казалось, навсегда. С Гонконгом же было по-другому, англичане колонизировали его на глазах у русских, причем не всегда удавалось избегать столкновений.

Книга путевых очерков замечательного русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812–1891) «Фрегат “Паллада”»³ любима многими поколениями российских читателей. И.А. Гончаров служил секретарем при командующем экспедицией в Японию с целью установления с ней дипломатических отношений вице-адмирале Ефиме Васильевиче Путятине (1803–1883). «Паллада» достигла Гонконга 12 июня 1853 г., глава 7 книги И.А. Гончарова называется «Гонконг» и состоит из следующих тематических разделов:

Вид города и реки — Улица с дворцами и китайский квартал — Китайцы и китайянки — Клуб и казармы — Посещение фрегата епископом и генерал-губернатором — Заведение Джердина и Маттисона

Записки И.А. Гончарова о Гонконге невелики (с. 246–254), ибо он полагал, что о Гонконге нужно написать «целый торговый или политический трактат». Заметим, что такой трактат по-русски еще, собственно, не написан, хотя, судя по публикациям на русском языке начиная с 1990 года, положение постепенно улучшается.

«Китайцам, конечно, не грезились, когда они, в 1842 г. по Нанкинскому трактату, уступали англичанам этот бесплотный камень вместо цветущего острова Чусан, во что превратят камень рыжие варвары. Еще менее грезились, что они де, китайцы, своими руками и на свою шею, будут обтесывать эти камни, складывать в стены, в брустверы, ставить пушки...»

Русский писатель много пишет о жаре, он убежден, что в жару не следует пить крепких напитков и есть тяжелую пищу.

«Паллада» благополучно покинула Гонконг, но некоторым членам ее команды суждено было вернуться на остров совсем в другом качестве. Фрегат «Паллада» был сильно поврежден цунами у японских берегов, после долгих попыток отреставрировать судно его пришлось затопить, а члены экипажа добирались до России на разных судах, одним из которых был бриг «Грета», вышедший из Японии 14 июля 1855 года, то есть уже после начала активной фазы Крымской войны на Тихоокеанском побережье. 1 августа 1855 г. судно было взято в плен англичанами и доставлено в Гонконг, где его команда находилась в плену до 30 марта 1856 г. Среди пленных был дипломат и востоковед Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875), оставивший о своем пребывании в гонконгском плену удивительные воспоминания⁴.

В 1839 г. по окончании обучения в Санкт-Петербургской Духовной Академии по решению Святейшего Синода И.А. Гошкевич был зачислен в 12-ю Российскую духовную миссию в Китае. Опубликовал много интересных статей о Китае в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине». После воз-

вращения из Китая в Санкт-Петербург в 1850 г. был назначен чиновником по особым поручениям в Азиатский департамент МИД России. В 1852 г. отправлен в качестве драгомана, т.е. переводчика и советника с миссией Е.В. Путятина в Японию на фрегате «Паллада».

Возвращаясь из Японии, где 26 января (7 февраля) 1855 г. участвовал в процедуре подписания Симодского трактата между Россией и Японией, И.А. Гошкевич и был взят в плен англичанами. В плену занимался составлением при помощи японца Татибаны Косая, в крещении Владимира Иосифовича Яматова (1821–1885), первого японско-русского словаря, изданного в Санкт-Петербурге в 1857 г.

Воспоминания И.А. Гошкевича о Гонконге имеют подзаголовок «Из записок русского путешественника», а не «военнопленного», как он мог назвать себя с полным на то основанием. С неизменной доброжелательностью, тонким юмором, проявляя большую наблюдательность, пишет русский дипломат о нравах британской колониальной администрации, о жизни и привычках китайцев. Позволим себе привести несколько цитат.

«Город, которого собственное имя *Виктория* едва ли известно и всем жителям его, растянут над проливом, отделяющим остров от материка, и состоит из одной главной улицы, следующей очертаниям берега; она называется Королевскою дорогою (Queen's Road), хотя как нынешней, так и будущим королевам Великобритании едва ли придется ездить по ней».

«Что на первый раз особенно бросается в глаза в Хоконе и в других торговых городах Китая, так это — совершенное почти отсутствие лошадей: их заменяют китайцами. Ходить пешком жарко, а потому порядочному джентльмену неприлично, тем более даме: я не встречал на прогулках ни одной дамы пешком». С возмущением описывает далее наблюдаемые им сцены насилия англичан над зазевавшимися кули.

«...чтобы вещь могла быть выгодно продана, необходимо, чтобы она в самой себе носила признаки многого труда, употребленного на нее. Тогда как мы, смотря на вещь, говорим “как мило! как изящно!” у китайца самая лучшая похвала *ю гунфу*, т. е. тут много пошло труда и времени!»

«...для какой бы то ни было работы легче найти китайца, нежели китайку; а потому даже те должности, для которых в других местах держат женскую прислугу, здесь большею частью заняты мужчинами. И если с непривычки странно видеть у стола лакея в длинном балахоне и с длинною косою, то еще страннее встретить, как это часто бывает, точно такого же китайца в роли няньки при детях».

В Гонконге есть «отделение Лондонского Азиатского общества, которое ежемесячно имеет свои собрания и издает свои записки. Я был приглашен 8 ноября н.с., в заседание Общества, где между посторонними посетителями было не мало посетительниц. Президент Общества, сэр Джон Боуринг (Bowring), бывший недавно в России, выразил некогда мнение, будто “Российское Правительство так завидливо, что никогда не было примера, чтобы послан был в Пекинскую миссию хоть один человек, который бы мог объясняться на другом языке, кроме своего родного русского, и это именно с той целью, чтобы предотвратить возможность сообщения в Европу сведений приобретенных в Пекине.”» И.А. Гошкевич, прекрасно владеющий многими европейскими, китайским и японскими языками, это заблуждение развеял, и даже прочел научный доклад из области японского языкознания, о чем в цитируемых записках скромно умолчал.

«Наконец, я считаю долгом выразить мою признательность жителям Хонкона, за их гостеприимство и внимательность, оказанные нам во время нашего пребывания в плену».

«...мы получили приглашение от офицеров стоящего здесь 59 полка, не толь-

ко к обеду в известный день, но и быть постоянными участниками их стола. Разумеется, от последнего мы отказались, а во время обеда гг. офицеры простерли свою вежливость до того, что не было сказано ни одного слова, касающегося до военных происшествий или могущего иметь хоть малейшее отношение к нашему положению».

В заключении И.А. Гошкевич пишет: «Я не стану перечислять всех наших знакомых в Хонконе, а скажу, что все, казалось нам, жители одушевлены были одним желанием: сделать для нас приятным наше невольное пребывание у них».

Ситуация на тихоокеанских границах России во второй половине и в конце XIX в. была тяжела для России. Общественное мнение было озабочено тем, что амбиции страны на Дальнем Востоке гораздо превосходят ее реальные возможности в экономике, в политике и в военной области. В это время выходит из печати несколько книг о положении в регионе, написанных действующими офицерами Российской армии. Наиболее примечателен труд Дмитрия Федоровича Мертваго (р. 1841), капитан-лейтенанта, помощника редактора «Морского сборника», озаглавленный «Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г»⁵.

Вот что пишет автор в Предисловии: «Военные суда русского флота, в течение их заграничных кампаний, так много времени проводят в Китае, так часто сталкиваются там с китайскими интересами и с представителями флотов других народов, что многими, там плавающими нашими офицерами, чувствуется большая потребность иметь под рукою перечень на русском языке исторических морских событий, приведшего Китай к нынешнему его положению относительно западных народов, военные и коммерческие моряки которых, можно сказать, толпятся в настоящее время у китайских берегов.

Русские, сравнительно, новички в своих морских сношениях с Срединною империей, так как прошло немногим более

тридцати лет с тех пор, как наш военный флаг начал часто показываться на крайнем востоке» (С. 1).

Тогда как европейцы, по меткому выражению Д.Ф. Мертваго, у китайских берегов «толпятся», у России здесь есть постоянная эскадра из нескольких крейсеров и более десятка коммерческих пароходов, а также уверенность, что присутствие русского военного и торгового флота на Тихом океане будет усиливаться.

Приведа таблицу 24 открытых (трактатных) портов, автор в 1 главе рассказывает о наиболее ранних случаях морских контактов Китая с европейцами, затем переходит к описанию различных этапов Англо-китайской войны 1839–1942 гг. и последующих событий вплоть до заключения тяньцзинских договоров в июне 1858 г. Отдельная глава посвящена русско-китайским договорам. Есть также приложение, озаглавленное «О пиратах китайских морей» (С. 581–618), материалы для которого по просьбе Д.Ф. Мертваго поставлял «наш военно-морской агент в Лондоне» В.М. Линден.

Написанная на основе анализа открытых английских источников: даже карты использовались английские, с транскрипцией названий кириллицей, хотя к тому времени уже существовали оригинальные русские лоции южных китайских морей, книга Д.Ф. Мертваго интересна для нас сейчас прежде всего своим настроем, которое можно охарактеризовать как обиду на европейские державы за их явное превосходство над Россией на Тихом океане и надежду получить реванш.

Книга Д.Ф. Мертваго, не будучи оригинальной, послужила между тем основным источником для написания еще одного «офицерского» трактата, принадлежащего перу Вячеслава Александровича Карликова (1871–1937) «Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей»⁶. Естественно, в книге много говорится и о Макау, и о Гонконге, впрочем, новых сведений здесь искать не стоит, и основная мысль автора выражена впол-

не в названии его сочинения. В.А. Карликов, участник подавления восстания Ихэтуаней, много видел и знал, но в своей книге занял прокитайскую сторону. Насколько эта позиция была характерна для российского имперского сознания, которое оставалось имперским и после победы революции октября 1917 года и образования СССР, свидетельствует история с публикацией в советский период писем А.П. Чехова, в частности, письма, в котором писатель описывает свое трехдневное пребывание в Гонконге 26–29 октября (7–10 ноября по новому стилю) 1890 г.

А.П. Чехов возвращался через Гонконг с Сахалина, где он занимался переписью населения, о чем оставил горькую и страшную книгу «Остров Сахалин». Напомним, что с 1875 г. Сахалин — место каторги и ссылки для преступников и осужденных Российской империи. Писатель неизбежно сравнивает две колонии — российский Сахалин и британский Гонконг:

«Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от помянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава небесам, холера прекратилась, и 13 октября пароход увез меня из Сахалина. Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя ... Японию мы миновали, ибо в ней холера...

Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта — чудная, движение на море такое, какого я

никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады, куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерихче, т. е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники — россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?»⁷

В первом советском переиздании Полного собрания сочинений и писем А.П. Чехова в 1948–1952 гг. письмо было сильно сокращено: изъяты строчки о «тихоокеанских мечтаниях» и о том, что русские эксплуатируют инородцев, ничего в отличие от англичан не предлагая взамен. Похоже, что только наступившая после смерти Сталина оттепель позволила восстановить историческую справедливость по отношению к писателю, который всегда, как казалось, высоко ценился советским официальным литературоведением.

Закончить описание мнений русских путешественников о Гонконге хочется свидетельством великого русского китаиста Василия Михайловича Алексева⁸:

«Июль 6. Пятница.

Еду на трамвае, обозревая Гонконг, которому не надивлюсь. Особенно китайский квартал занимателен — весь по-европейски, но ... по-китайски оснащен. Дома огромны. Это самое важное — здесь люди живут, не стесняясь.

Среди архипелага очаровательных островов выходи в самую совершенную бухту на свете (говорят, Sidney еще лучше), с высокою горою в центре острова, усеянного прекрасными зданиями. Поднимаюсь сразу же на эту гору и оттуда не могу уйти: более волшебного вида на океан, бухту и острова никогда не приходилось созерцать. Едва нашел в себе силы сойти

вниз, вернее, спуститься» по лифту (канатная паровая система).

Город, в общем, европейского типа: по-европейски застроен, по-китайски оснащен и декорирован (*дуййзы* должны висеть на столбах, а их нет!).

Гонконг великолепен. Туда ездят из Америки, Англии, Австралии на дачу. Поистине замечательно. Но... к Китаю все это нимало не относится».

Показательное замечание: за полвека до В.М. Алексеева посетивший Гонконг И.А. Гошкевич как раз много писал о китайцах и китайском в Гонконге. Возможно, В.М. Алексееву просто не хватило времени разглядеть в Гонконге то, что имело отношение к Китаю.

Несмотря на немногочисленность имеющихся свидетельств о Гонконге на русском языке, можно с уверенностью сказать, что Гонконгу в действительности очень повезло. Первые русские, оставившие воспоминания о своем пребывании в Гонконге, были либо замечательными писателями, как И.А. Гончаров и А.П. Чехов, либо людьми, наделенными литературными талантами, их воспоминания о Гонконге хороши, несмотря на лаконичность. Бросается в глаза разница в оценках ситуации в британской колонии, которую выражают русские офицеры, с одной стороны, и русские писатели — с другой.

Вся эта информация, оформленная в виде презентации, с иллюстрациями и на английском языке, с последующим переводом на китайский, была доложена участникам Форума и вызвала немалый интерес, усиленный тем, что мое сообщение было на Форуме единственным чисто гуманитарным и связанным непосредственно с Гонконгом и, все остальные доклады были связаны исключительно с политическими и экономическими взаимоотношениями Российской Федерации и КНР, за редкими исключениями.

В работе Форума принимали участие ученые из России (Москва, Благовещенск, Владивосток), Великобритании, КНР, Японии и Сингапура. Из Петер-

бурга я была одна, гораздо лучше были представлены, как и на всех проводимых в Азии форумах, ученые российского Дальнего Востока, Тихоокеанской России, как они сами предпочитают говорить. Заметим, что люди из затопленного Благовещенска не без труда, но добрались до Гонконга, а китайцы из расположенного на противоположном берегу Амура Хэйхэ выбраться не смогли. Забегая вперед скажем, что следующий подобный форум решено провести как раз в Благовещенске и Хэйхэ.

Работу Форума открыл Почетный президент и один из основателей Университета Сюэ Янь, первого частного университета свободных искусств и наук в Гонконге, господин Генри Ху, речь его частично была произнесена по-русски, который он выучил, будучи сотрудником посольства гоминьдановского правительства в Казахской ССР, до 1949 г., стало быть. Никогда не ожидала, что смогу встретить человека с такой биографией! Господину Ху 94 года, в Казахстане родились его сыновья.

Организаторы мероприятия часто подчеркивали, что одной из главных целей Форума, помимо свободного обмена мнениями, они видят в том, чтобы предоставить возможность российским ученым увидеть воочию жизнь в Специальных административных районах КНР, именно такой статус имеют сейчас бывшие колонии Гонконг и Макау, сравнить ее с жизнью в КНР. Программа была составлена таким образом, что мы действительно смогли посмотреть очень многое. Впрочем, реакция китайцев, впервые оказавшихся в Гонконге и Макау, как нельзя лучше свидетельствовала о наличии большой разницы в стиле и качестве жизни в бывших колониях и на материковом Китае. Сильно различаются оба города и между собой, финансовый центр Азии Гонконг и туристско-игорный Макау, стремящийся во что бы то ни стало сохранить уникальные черты традиционной культуры макаэнцев. Впрочем, этнографические заметки

выходят за рамки данного сообщения, вернемся к работе Форума.

Интересно было сообщение настоятеля православного прихода святых Петра и Павла в Гонконге о. Дмитрия Поздняяева. Церковь арендует помещение в одном из бизнес-центров Гонконга, но своеобразие ее ситуации в том, что она принадлежит Московскому патриархату, то есть является единственным представителем РПЦ в КНР, так как любая церковь в Китае может быть только китайского подчинения, соответственно, значение небольшого гонконгского прихода для РПЦ очень велико. В докладе о. Дмитрия анализировалась религиозная ситуация в КНР в настоящее время, подчеркивалось, что возрастающий интерес китайцев к религиозным проблемам дает большие возможности для проповеди православия среди «неопределившихся» китайцев. Присутствующие на Форуме китайские ученые подвергли сомнению приводимые о. Дмитрием цифры, оценивающие потенциальную религиозность соотечественников, заметим, что настоятель не смог ответить на вопрос о происхождении этих цифр и методике подсчетов.

В работе Форума принимал участие известный библиограф из Шанхайского университета Фудань Фу Дэ-хуа, рассказавший о завершении фундаментального проекта составления библиографии работ на китайском языке о биографиях китайцев, живших в XX в. Несколько монументальных томов библиографии китайских биографий недавно увидели свет, теперь же на очереди подготовка аналогичных изданий библиографий работ на английском, японском, европейских и русском языках, возможно, в будущем удастся каким-то образом принять участие в этом проекте.

Из многочисленных докладов политико-экономического блока следует выделить сообщение Ричарда Хэнсворта (Richard Hainworth), представляющего одно из кредитных рейтинговых агентств в Гонконге (Universal credit rating group).

Англичанин, родившийся в Уганде, несколько десятилетий служивший в Москве, сейчас в Гонконге разрабатывает особый кредитный рейтинг с учетом экономических особенностей России и КНР. Никогда бы не подумала, что доклад подобной тематики может быть мне интересен, и что именно в Гонконге из доклада, произнесенного на английском языке, я, наконец, пойму, что такое кредитные рейтинги!

В работе Форума принимало участие и много китайских русистов. Их исследования заслуживают отдельного анализа, скажем только, что все они увлечены евразийством, без упоминания К.Н. Леонтьева не обходилось ни одно из выступлений китайских коллег, что вызвало обширную дискуссию с российскими учеными, указавшими китайским на то, что они строят умозаключения о месте России между Востоком и Западом полагая Востоком именно себя, Китай, тогда как для Леонтьева таким Востоком была вовсе не Цинская империя, а Османская. Если хотя бы несколько китайских коллег прислушаются к нашим замечаниям и будут внимательнее читать и оценивать русские источники, то можно будет считать, что Форум прошел не напрасно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Спафарий Н.Г.* Описание первые части вселенныя, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Церковнославянский текст по рукописи, принадлежащей Ф.Т. Васильеву, с биографией Н.Г. Спафария, написанной А.И. Яцимирским с описанием рукописи, сделанным А.А. Александровым, и предисловием и указателем Н.Ф. Катанова. Казань, типография Императорского университета, 1910. 56, 271 с.

² Краткое описание китайских городов Нанкина и Макау, принадлежащего португальцам. С английского Ф. Созо-

нович (из книги Kelly's new system of Universal Geography) // «Азиатский вестник». 1826. № 1. С. 202–210.

³ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М.: Эксмо, 2012. (Великие путешествия).

⁴ Гошкевич И.А. Хонконг: Из записок русского путешественника // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. № 3, 1857. С. 395–409.

⁵ Мертваго Д.Ф. Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г. С четырнадцатью планами и картами. Санкт-Петербург: Типография морского министерства, 1884.

⁶ Карликов В.А. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей. Санкт-Петербург, 1903.

⁷ А.С. Суворину. 9 декабря 1890 г. Москва // А.П. Чехов. Собрание сочинений. М.: Государственной издательство художественной литературы, 1960–1964. Том 11-й. Письма 1877–1892. С. 467.

⁸ Алексеев В.М. Гонконг (Сянган) // Этнографическая миссия китаиста в 1912 г. // В старом Китае. 2-е изд., и правленное и дополненное. М.: Издательская фирма Восточная литература, 2012. С. 486–487.

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ ХАЙКУ МАЦУО БАСЁ (1644–1694)

Т. Томихай

Ты знаешь, чью любовь мы изливаем в звуки?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желанья и муки,
То человечество стремится и грустит.

В молениях о любви, в страданиях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных слит.
Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

Октава. Валерий Брюсов

В одной из телепередач Сати Спиваковой я услышала дискуссию двух музыкантов, двух ценителей классической музыки. Один из них настоятельно советовал читать музыкальные сочинения «дословно», другой был сторонником глобального обобщения. Каждый из них оставался при своём мнении, не принимая точку зрения другого.

А ведь и один и другой были неправы, и каждый из них был по-своему прав. Речь шла об одном из сочинений Дмитрия Шостаковича. «Разве Вы не слышите, что в каждой музыкальной строке тревожное ожидание «чёрной машины» в ночное время, ощущение страха, неиз-

вестности?». Несомненно, музыкальное сочинение вызывает и во мне страшные переживания, тревогу, но они в моей памяти ассоциировались с другими событиями, другим временем и связаны были сугубо с моим личным жизненным опытом.

Такого рода дискуссии имеют отношение не только к музыкальному сочинению, но и к любому произведению искусства. Вполне вероятно, что импульсом к созданию и поэтического произведения могли послужить личные переживания автора, конкретные события в жизни музыканта, поэта или художника, но после завершения работы Мастера его творение

становится достоянием других людей, другой эпохи, иных времен.

Скажи мне, для чего,
О ворон, в шумный город
Отсюда ты летишь?

«Да это же про меня» — скажут многие из нас. Это ведь я покинул родной дом, дорогих мне людей, налаженный быт, относительную защищенность и шагнул в Неведомое, неизвестное, где нет крова над головой, где нет возможности спрятаться от непогоды (и не только природной), где не покидает ощущение голода и, наконец, некому рассказать обо всех своих невзгодах.

Но этот путь выбран... Неизвестность настойчиво и неумолимо звала. Жажда окунуться в другую жизнь, узнать её, постичь нечто новое победила. Вот почему так созвучны нам короткие поэтические строчки, написанные японским поэтом Мацуо Басё три столетия назад.

Ему исполнилось 28 лет, когда он, вопреки уговорам и предостережениям родственников, оставил службу в доме местного феодала, покинул городок Уэно, где родился и жил в атмосфере добра, заботы, взаимного внимания. Семья принадлежала самурайскому сословию. Времена ратных сражений ушли в далекое прошлое. Бывшие воины сменили мечи на кисть, но кодекс чести самурая проявил себя и на новом поприще. Многие из них занялись изучением истории, литературы, каллиграфии. Отец и старший брат будущего знаменитого поэта зарабатывали на жизнь преподаванием каллиграфии. Эта стезя была уготована и Мацуо — младшему сыну, тем более что интерес к литературе, искусству у него проявился ещё в раннем детстве.

В возрасте 10–12 лет Мацуо был приглашен в замок местного князя в качестве друга-товарища сына владельца замка. Дружба мальчиков оказалась плодотворной и в учебе. Приглашенные в замок учителя становились наставниками и Мацуо Басё. Особый интерес и усердие

ученики проявили к сочинению популярной в то время поэтической миниатюры хайку (хокку). Первый успех и надежду юным стихотворцам принесла публикация нескольких лирических миниатюр в литературных журналах. Встреча юного Мацуо с учителем-поэтом оказалась судьбоносной.

Желание овладеть тайнами поэтического мастерства, жажда состязаться с другими, побеждать одних, испытать горечь неудач и поражений — все это звало в дорогу, в столицу, где кипела бурная городская жизнь.

Облачная гряда.
Легла меж друзьями. Простились.
Перелетные гуси навек.

Листок с этими стихами прикрепил он к воротам дома, где жил его друг. Сквозь грусть разлуки чувствуется и радость полета в неведомую даль.

Семнадцатый век в Японии ознаменовал себя бурным развитием городов, расцветают ремесла, торговля, искусство, особенно городской театр, удовлетворяющий не очень притязательные запросы зрителя — ремесленников, воинов, торговцев. Высший цвет общества — аристократы — тоже были ценителями театральных постановок. Пьесы, автором которых был Тикамацу Мондзаэмон, один из знаменитых драматургов того времени, до сих пор пользуются популярностью и уже не только на японской театральной сцене. Многие предметы быта, украшения, сделанные мастерами, ремесленниками эпохи Эдо, в наше время хранятся в музеях далеко за пределами страны. Восходящее солнце. В городской среде того времени широкое распространение получили разного рода кружки, школы, где обучали мастерству стихосложения, проводились состязания, турниры поэтов, известных мастеров и начинающих. Славы, признания удостаивались талантливые мастера поэтического слова, независимо от их социального происхождения, обладателем наград мог стать любой, заслуженно

одержавший победу на поэтических турнирах. В этой обстановке формировался и читатель, к нему обращены слова поэтов, на его участие, на его сотворчество рассчитаны стихи.

Резиденцией верховного правителя был город Эдо, однако столицей по-прежнему оставался город Киото, где жил лишенный реальной власти император. При его дворе звучала старинная музыка, на поэтических турнирах слагались стихи, лучшие из них удостаивались высоких наград и признания.

Рост городов, развитие ремесел, торговли, искусства привели к тому, что деньги обрели большую силу и власть. И эта новая сила властно вторгалась в человеческие судьбы. Но, несмотря на трудности городской жизни, несмотря на бедность и скученность всё же притягательная сила города была очень велика. Городская культура достигла пышного расцвета. Простые предметы быта становились в руках умельцев предметами искусства.

Будущий поэт, молодой человек из провинции, не имея покровителей, знакомых окунулся в бурную городскую жизнь. Невысокая должность в ведомстве по строительству водных сооружений едва-едва позволяла оплатить скромное жилье и расходы на жизнь. Все свободное от работы время посвящалось освоению знаний версификации, правил сложения хайку. Предельно лаконичная форма хайку, всего лишь 17 слов-слогов, требует виртуозного владения законами стихосложения, мастерством экспромта и предельно тщательного подбора лексики. Десять лет напряженного труда, полунищенского существования ушли на ученичество. За этот период он изучает стили разных школ, направлений, создает свой литературный кружок, появляются ученики, верные последователи Мацуо Басё.

Эдо не породил подлинно художественных ценностей, но сыграл важную роль в подготовке вкуса читателя к восприятию эстетики хайку, кружки любителей лаконичных стихотворений в

недалеком будущем должны были стать почитателями и ценителями хайку иного рода. Переход хайку в ранг высокой лирики стал весьма актуальным, многие талантливые поэты стремились преодолеть барьер «развлекательности». К авторам предъявлялись высокие требования отбора лексики, исключения вульгаризмов и соблюдения одного из важнейших принципов «макто» — искренности. Создавалась среда для произрастания принципиально нового стиха — поэзии искреннего чувства и глубокой мысли.

Для перехода на новый уровень поэтического творчества необходимо было сменить обстановку, изменить жизненный уклад. Суэта городской жизни, шумные компании, турниры, состязания не давали возможности глубоко погрузиться в поэтическое творчество, ответить себе на вопросы о смысле поэтического творчества, о Миссии поэзии.

Многочисленных собратьев по перу вполне устраивала столичная жизнь, некоторые «счастливчики» месяцами гостили в домах меценатов, богатых людей, развлекали хозяев и их гостей. Виртуозное владение техникой сложения стиха, умение использовать острое слово, двусмысленный намек, каламбуры высоко ценились образованным обывателем и давали возможность сочинителям безбедно существовать в столице.

Десятилетнее пребывание в городе, напряженные занятия по овладению метрическими правилами отточили поэтический инструментарий. Теперь встал очень важный вопрос о содержании, каким хотелось бы заполнить безупречную форму. В этом смысле город для Мацуо Басё исчерпал себя. Но поэт с благодарностью покидает город, ставший для него родным...

Я осень здесь провел десятый раз.

Прощай Эдо, на родину иду,

Но родиной отныне буду звать тебя...

Для решения новых задач необходимы были уединение, тишина, душевный

покой. Но поэт по-прежнему остается нищим, кроме мастерства сочинять стихи и нескольких верных учеников, у него ничего нет.

К счастью, отец одного из учеников помог построить хижину — жилище за пределами столицы на берегу реки Фукагава, где поселился бездомный поэт.

Дом удался на славу!
На задворках воробьи
Просо радостно клюют...

В лирической миниатюре «Переезжаю в новую хижину» запечатлел поэт свой восторг по поводу «дворца», куда он переехал после десяти лет бездомного существования.

Домик в уединенье
Луна...Хризантемы... В придачу к ним
Клочок небольшого поля.

Мацуо Басё не одинок, его окружают верные ученики, их немного, они сами выбрали себе Учителя, проявляют заботу о нем. Это благодаря их стараниям построена хижина на берегу реки, вдали от городского шума. Три стихотворных строчки позволяют нам понять жизненные ценности Басё. «...Дом и клочок небольшого поля» дали возможность насладиться тишиной, покоем, приобрести условия для творчества.

Друзья подарили саженцы бамбукового дерева, они прижились на новом месте.

Листья бананов
На столбах моей хижины
Развесила луна.

«Басё» — банановое дерево — стало новым именем поэта, с которым он войдет навсегда в мир поэзии. Новое имя ознаменовало собой новый рубеж в творчестве мастера.

Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Воды всплеск.

«Старый пруд...». Шедевр, тайну которого пытаются разгадать литературные критики и читатели наших дней. Наверное, ближе всех к разгадке подошел английский знаток японской поэзии: Мацуо Басё выразил тишину через звук. Ощущение пронзительной тишины вызвано прыжком лягушки, длившимся лишь одно мгновение, и этим была разрушена Вечность, символом которой являлся пруд, затянутый зелёной тиной. Судя по словам учеников, навещавших учителя, пруд действительно находился рядом с домом, но он был окружен кустами роз, над которыми жужжали пчелы, летали стрекозы. Художественный образ этого маленького водоёма — свидетельство творческого поиска мастера. Философское звучание поэтической миниатюры Мастер смог выразить предельно лаконично, как великий скульптор, он отбросил все лишнее. Всплеск воды, вызванный прыжком лягушки, вызвал ощущение вечности.

Этот поэтический шедевр был опубликован в 1681 году, спустя год, как он покинул суетный мир столицы.

Открытый Мацуо Басё художественный принцип найдет своих последователей и среди учеников поэта, и сам первооткрыватель часто будет использовать его:

Тишина кругом.
Проникает в сердце скал
Легкий звон цикад...

Ночная тишина.
Лишь за картиной на стене
Звонит-звонит сверчок.

В лексике хайку этого периода преобладают простые слова, нет места пикантным двусмысленным шуткам, каламбурам, которые импонировали вкусам образованного обывателя в столице. Наблюдения над природой, пребывание в ней рождает новое мироощущение, объектом поэтического творчества становятся сама природа и тончайшие на-

блюдения над ней, в центре внимания микромир:

Ирис на берегу.
А вот другой — до чего похож! —
Отраженье в воде.

Дождик весенний...
Уж выпустили по два листка
Семена баклажанов.

Проталина в снегу,
А в ней — светло-лиловый
Спаржи стебелек.

Роня лепестки,
Вдруг пролил горсточку воды
Камелии цветок.

С уходом из городской суеты в тишину природы начался новый творческий процесс превращения литературной забавы в высокое искусство.

Колокол смолк вдалеке,
Но ароматом вечерних цветов
Отзвук его плывет...

Казалось бы, поэтические образы даже не создают, а наполняют вечерний пейзаж звуком, ароматом, цветом. Басё использует открытый им художественный прием синестезии — замещение звука и цвета в образе. Этот прием широко используют его ученики и последователи.

Листья банана
На столбах моей хижины
Разбросала Луна.

Образ ночного Светила Мацуо Басё заимствует из китайской классической поэзии, которой восхищался, поклонялся, у которой учился. Но поэтическая трактовка японским мастером поднята на такую высоту, на которую мало кто решался взобраться.

Погостила и ушла
Светлая луна... Остался
Стол о четырех углах.

Так легко-легко
Выплыла — и в облаке
Скрылась луна.

Окружающая природа становится неисчерпаемым источником, кладезем образов для поэта, но только великому мастеру удастся выбрать единственное слово и найти ему соответствующее место в поэтической строке.

Прохладно.
Вновь прислонюсь
К столбам моей хижины.

«Осень пришла»
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к моей постели.

Неумолимо бежит время, осень человеческой жизни тоже не заставляет себя ждать. Невзгоды судьбы, бедность, граничащая с нищетой, находят свое отражение в лирической миниатюре Мацуо Басё. Поэт не скрывает и не стыдится своей бедности. Но и в стихах о себе всегда находится место улыбке, иронии, шутке:

Кончился в доме рис...
В тыкву из-под зерна поставлю
«Женской красоты» цветок.

А я не хочу скрывать:
Похлебка из вареной ботвы
С перцем — вот мой обед.

Басё остро ощущал себя городским бедняком, но нищету свою не скрывал, как другие. Нищета стала как бы символом его духовной независимости.

Но, равнодушный к тому, что больше всего ценили другие, Басё с величайшей требовательностью и заботой относился к своему творчеству. Стихи Басё, несмотря на предельный лаконизм их формы, никак нельзя рассматривать как беглые экспромты. Это плоды не только вдохновения, но и очень большого напряженного труда.

Как тягостно и тоскливо переносить пасмурные дождливые дни в одиночестве.

Как давно не навещали друзья, как мучительны дни ожидания их. В «Хижине, крытой тростником» поэт пишет:

Как стонет от ветра банан,
Как падают капли в кадку,
Я слышу всю ночь напролет.

Трехстишие воссоздает атмосферу банановой обители, капли дождя, просочившиеся сквозь крышу и стекающие в кадку, рождают в воображении читателя не только картину осеннего ливня, но и образ уединенного пристанища поэта, печального одиночества.

Конец бессонной ночи, наступивший рассвет тоже не очень утешителен:

С утра льет дождь.
Нет, не ко мне,
К соседу зонт прошелестел.

Тема дружбы, мужской дружбы, также воспетой китайской классической поэзией, находит дальнейшее развитие в творчестве японского мастера лирической миниатюры.

Посети меня, друг
В одиночестве моем!
Первый лист упал.

Друг мне в подарок прислал рис,
А я его пригласил
В гости к самой луне...

Радостью и ликованием наполняется сердце одинокого поэта с приходом друга.

Уединение, тишина, к которым так стремился он, еще больше радуют, когда есть с кем разделить добровольное затворничество:

Осеннюю мглу
Разбила и гонит прочь
Беседа друзей.

Что мне зимний холод!
С другом я делю ночлег.
Радостно на сердце.

Предельно простые обычные слова, отсутствуют литературные реминисцен-

ции, нет замысловатых художественных приемов, но как глубоко, по-разному, выражаются тончайшие душевные переживания, от уныния до ликования, от горя к радости. Каким же художественным принципам следует мастер, чтобы добиться подобного эффекта! Несколько позже прикоснемся к этой тайне хайку.

Поэтическая миниатюра об одиноком вороне, как отмечают биографы Мацуо Басё, была признана шедевром, как только она была опубликована. Из дневника поэта узнаем о том, что понадобилось несколько лет, чтобы слова и их расположение в стихотворном тексте приняли окончательный вариант:

На голой ветке
Ворон сидит одинокий.
Осени сумерки...

Обычная пейзажная зарисовка. Поздняя осень. Вечер. На расплывчатом сером фоне очертания сутулившейся птицы, сидящей на ветке, лишенной листьев. Природа застыла. Краски только две: черная и серо-белая. Монохромная живопись.

Но только ли этим исчерпывается содержание поэтической миниатюры? Разве этот пейзаж не вызвал у читателя ощущение глубокой душевной грусти, разве не примеряем на себя чувство осенней печали, вызванные увиденной картиной? Не ощущение ли старости, чувства одиночества самого Мацуо Басё подсказал образ увиденной им птицы, одиноко сидящей на засохшей ветке? Мастер вводит в поэтический текст образ конкретной, не случайной птицы. Это благородный Ворон, которого человек наделил мудростью. Сам поэт, глубоко знавший китайскую классическую поэзию, сообщает, что образ ворона заимствовал именно оттуда, но трактовка образа столь сильна и глубока...

Это трехстишие тоже датируется 1681 годом, спустя лишь год, как поэт покинул шумный Эдо и обрел тишину, душевное спокойствие за пределами столицы.

«Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, всё предельно просто. С помощью нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в неподвижности. Поэтический образ чуть намечен, но обладает большой емкостью, завораживает читателя. В то же время образ очень конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж около своей хижины, через образ птицы выразил свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, о своем собственном» (В. Маркова).

Воображению читателя оставлен большой простор. Вместе с поэтом он может испытывать чувство печали, навеянное осенней природой, или разделить с ним тоску, рожденную глубоко личными переживаниями. Увидеть великое в малом — такова одна из главных идей поэзии Басё.

КАРЭ ЭДА–НИ
КАРАСУ НО ТОМАРИТАРУ Я.
АКИ НО КУРЭ.

Так звучит хайку об одиноком вороне на японском языке, в русской транскрипции.

Художественный образ одинокого ворона на оголившемся дереве очень распространён в китайской поэзии и живописи. «Однако очарование миниатюры Басё нельзя объяснить словами. Мы здесь видим великолепный пример способности Басё создавать целый мир с помощью нескольких слов. Образ ворона, примостившегося на высохшей ветке, заключает в себе момент реально происходящего, сиюминутность» (Д. Кин). Надвигающийся вечер осеннего дня тесно перекликается с осенью человеческой жизни.

«Картина монохромна: черный ворон на ветке, уже лишенной листьев; время дня и время года, стирающие все краски. Как и многие лучшие произведения монохромной живописи, подобная картина может впечатлять сильнее, чем яркие

цвета. Тишина и спокойствие вечерних сумерек в сочетании с напряженным силуэтом ворона на голой ветке создают незабываемый эффект» (Д. Кин) Признание этого стихотворения не замедлило последовать, оно было отмечено как одно из лучших... Прилив вдохновения, позволивший Басё увидеть в обыкновенном вороне, сидящем на ветке, нечто, обладающее вселенским смыслом.

Сейчас мне хотелось бы затронуть один вопрос, хотя, может быть, и не совсем уместно, но поскольку он касается именно этого трехстишия, то я его коснусь. Речь пойдет о переводе этого поэтического шедевра. Все хайку Мацуо Басё, отобранные мною, даны в переводах Веры Марковой, поэт и переводчик оказались достойными друг друга, они, к счастью российского читателя, оказались равными величинами.

Безусловно, что помимо глубоких профессиональных знаний японской культуры, решающую роль в переложении японской поэзии на русский язык сыграло глубокое проникновение в неё. Жизнь японского гения, его жизненные невзгоды, радости и печали, творческий поиск в полной мере пройдены через сердце переводчика Веры Марковой. Её переводы оставляют впечатление художественного совершенства.

Как могли переводчики хайку Мацуо Басё (а их несколько) уже после опубликованных переводов Веры Марковой предлагать на суд читателя и Вечности, свои прочтения, трудно судить. Вот один из примеров (перевод Александра Долина):

На голом суку
Примостилась под вечер ворона
Кончается осень.

Каким тяжелым стал текст стихотворения, «ветка» в оригинале заменена на «сук», во второй строке неудачно выбран глагол, тоже громоздкий. В заключительной строке оригинала вообще нет глагола, она состоит из слов: «осени сумерки».

Но самая большая потеря в выборе ключевого образа птицы. Образ Ворона ассоциируется с личностью автора, его мироощущением, осенью его жизни, его одиночеством. Ворон — благородная птица, не живет в стае, он предпочитает летать один. Людская молва приписывает именно Ворону благородные черты, мудрость. В маленьком произведении, где предельно важны и каждое слово-слог, и его место в трехстишии, замена образа благородного вурона на обычную ворону (птицу, относящуюся к другому семейству, с другими привычками, живущую в стае), не только снижает, но полностью снимает авторский замысел произведения.

Этот пример, как и целый ряд других, к сожалению, выполненных специалистом по японской культуре, убеждает нас, насколько ответственна работа переводчика перед читателем и временем, перед гением, который уже никогда не сможет себя защитить.

Среди хайку Мацуо Басё встречается (хотя и не очень часто) жизнерадостное восприятие мира, например, любование цветущей сакурой:

В путь! Покажу я тебе,
Как в далеком Ёсино вишни цветут,
Старая шляпа моя.

И в наши дни поток празднично одетых японцев отправляется в Ёсино запечатлеть мгновение божественной красоты, чтобы через год вновь проделывать далеко не короткий путь для встречи с нежно-розовой дымкой цветущих деревьев.

Под сенью вишневых цветов,
Я, словно старинной драмы герой,
Ночью прилег уснуть.

Прощайте, о, вишен цветы!
Спасибо вам за радушный прием,
За щедрую доброту.

В гостях у вишневых цветов
Я пробыл ни много ни мало:
Двадцать счастливых дней

Счастливые минуты пребывания среди гостеприимных хозяев не стерли с памяти и грустные воспоминания о друзьях, некогда деливших с ним радость встреч у цветущей вишни, а ныне покинувших мир. Лирическая миниатюра «В саду покойного Санги» также имеет реальную основу, поэт вспоминает печальные события двадцатилетней давности. В 1666 году неожиданно умирает его друг, 24 лет от роду. Басё потерял не только единомышленника, но и покровителя, единственного человека, кто мог оказать реальную помощь в жизни. Посетив могилу друга в 1688 году, поэт записывает удивительно трогательные строки стихотворения:

О, сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
Вишни старого сада.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова — Хонсю. Многие места известны своей красотой, а народная память сохранила там песни, легенды и старинные обычаи. Поэт очень любил свою родину, свои родные места, часто посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету

Так изобразил он то чувство, какое испытывает человек, увидев после долгого перерыва дом своего детства. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже и не замечаешь.

Любование луной, снегом, также как и любование цветами — традиционные праздники, любимые и почитаемые всей страной Восходящего Солнца. Японцы тщательно готовятся к ним, начиная с большой уборки в доме, с покупки нового кимоно для всей семьи и кончая посещением храма всей семьей.

Все морщинки разгладил на нем, —
В гости иду любоваться снегом, —
В своем старом бумажном платье.

Скорей, друзья,
Идем бродить по белому снегу.
Пока не свалимся с ног.

Рядом со светлой чистой радостью, почти всегда соседствует грусть, то светлая, то печальная, раздумья и забота о других. Странствуя по горным дорогам и узким тропинкам страны многое довелось увидеть Мацуо Басё, память хранила и радостные и грустные воспоминания.

О, сколько выпало снега!
А где-то в Хаконэ
Люди идут через перевал.

Как много выпало снега!
А где-то в глубоком лесу
Хижина одинокой старухи.

В последних двух трехстишиях наблюдается поворот от личного радостного восприятия красоты природы к раздумьям о разных судьбах простых людей, о печальных страницах их жизненного пути. Художественные образы хайку выходят за пределы личного Я или через собственное Я выражает общечеловеческое. Этот эффект достигается благодаря новым принципам версификации, к которым поэт приходит путем долгих творческих поисков. Но поэт благодарен своим учителям за преподнесенный ими урок высочайшего требования к себе. Они открыли истину будущему великому поэту, что поэзия хайку создается не на краткий миг, она создается на века.

Снегом укрыты,
Увяли луга — только астры
Не изменились.

«Осью стихотворения является игра слов: “сион” означает астры, а также “долг ученика по отношению к учителю”» (Д. Кин). Удивительная игра слов, многозначность японского слова позволило благодарному ученику таким образом выразить свою признательность.

Уединение, душевный покой, чтение книг многое дали поэту-отшельнику, четко определился ответ на вопрос, постав-

ленный самому себе еще в годы ученичества в столице. Миссия поэзии не развлекать, не веселить, не ублажать публику, истинная поэзия создается не на краткий миг, она вечна...

Мацуо Басё принимает решение пройти путь своих великих предшественников, поэтов прошлого, пережить самому ими увиденное. Свообразным импульсом к решительному шагу в жизни Басё послужил огромный пожар в столице, пламя которого достигло предместья Эдо и поглотило жилище-хижину поэта. В этом же 1684 году он получает известие о кончине матери. Когда ему удастся добраться до родных мест и посетить покои матушки, брат преподносит ему драгоценный ларец, в котором хранится седея прядь самого родного человека. В дневнике сохранилась запись: «Я вернулся в отчий дом в начале 9-й луны. Цветы в комнате матушки погибли от мороза, так что от них ничего не осталось. Переменилось все вокруг... У брата моего виски поседели, а на лбу появились морщины. Мы все еще живы — только и сказал он. Затем, молча, открыл шкатулку для реликвий: «Поклонись сединам матери, вот он ларец для драгоценностей. Взгляни, ведь и твои брови уже побелели. — Я заплакал». Эти печальные события нашли отражение в хайку «Прядка волос моей матери», ставшей исповедью многих сыновей.

Растает в руках моих, —
Так горячи мои слезы, —
Белый иней волос...

Не только посетить могилу матери. Назрела необходимость изменить характер творчества. Стимулом к новому повороту в творческой деятельности послужил новый образ жизни. Путешествие, опасные странствия — суровое испытание физических и духовных сил человека. Такова была традиция паломничества. Из опыта многих своих предшественников, он осознавал трудности пути, он также хорошо знал, что немногим суждено было

вернуться из дальних странствий. Сохранилось немало преданий о поэтах, так и не вернувшихся домой. Опасности подстерегли путника на лесных и горных дорогах, в харчевнях и почтовых станциях.

Вера Маркова в предисловии к переводам хайку Мацуо Басё пишет: «Вот идет он, опираясь на посох, горной дорогой в осеннюю непогоду. Потрепанный плащ из тростника, соломенные сандалии плохо защищают от холода, но поэт находит в себе силы улыбнуться:

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

Он сочувствует всем, кому холодно и голодно, очень трогательно звучат слова об обезьянке:

Холодный дождь без конца.
Смотрит продрогшая обезьянка,
Будто просит соломенный плащ.

«В небольшой дорожной суме хранится самое насущное: две-три любимые книги стихов, тушечница и флейта. Голову прикрывает большая, как зонт, шляпа, плетенная из кипарисовых стружек. На полях ее узоры письмен, путевые записи, стихи» (В. Маркова).

«Странник!» — это слово
Станет именем моим.
Долгий дождь осенний...

Девять долгих месяцев длилось первое странствие. В дневнике сохранилась запись: «Отправляясь, не взял никакой пищи. У меня был лишь только посох, как у пилигримов былых времен. Когда я покидал мою хижину на берегу реки в 8-й месяц года 1684, завывание ветра нагоняло стужу»:

Может быть, кости мои
Выбелит ветер...
Он в сердце холодом дохнул мне...

«В конце 17 столетия по дорогам Японии долгие годы странствовал человек

уже не первой молодости и некрепкого здоровья, по виду похожий на нищего. Не раз, вероятно, слуги какого-нибудь знатного феодала сгоняли его с дороги, но ни один именитый князь того времени не удостоился той посмертной славы, которая выпала на долю этому неприметному путнику — великому японскому поэту Мацуо Басё» — так написала в Предисловии к переводам Вера Маркова.

Поэт осознает цену своим стихам, сложенным в пути, они не для литературных салонов, не для увеселительных турниров, где ценилась острота шутки, удачная цитата, каламбур, двусмысленность литературного намека. Пройдя длительную школу обучения именно этому мастерству, Мацуо Басё отказывается от сложных литературных реминисценций, цитат, которыми бравируют поэты. Главным становится содержание, смысл, идея, этому подчинен самый тщательный подбор лексики и поиск новых художественных принципов хайку.

Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.

«Мне невольно пришел на память мастер «безумных стихов» Тикусай, бродивший в былые дни по этим местам». Он идет дорогами, по которым прошли некогда его собратья по перу, испытал их невзгоды, глубже понял их стихи, но сейчас он сам будет писать по-другому.

«Безумные стихи»...Осенний вихрь...
О, как же я теперь в своих лохмотьях
На Тикусая нищего похож.

Перед могильным холмом рано умершего поэта Иссё Мацуо Басё сочинил трехстишие:

Содрогнись, о холм!
Осенний ветер в поле —
Мой одинокий стон.

Окончательные варианты стихов далеко не всегда совпадали с написанными

в пути. Паломник, посещающий места, воспетые поэтами прошлого, беседует с их духами. Посещение мест, даривших вдохновение древним мастерам, давало свежести силы и его творчеству.

Краткий ночлег, остановки в пути для отдыха, чтобы поддержать силы для дальнейшего пути. Это грустное, печальное состояние путника удивительно точно передают три строки хайку «На чужбине»:

Тоненький язычок огня, —
Застыло масло в светильнике.
Проснёшься... какая грусть.

«Печалюсь, глядя на луну, печалюсь, думая о своей судьбе, печалюсь, о том, что я такой неумелый! Но никто не спросит меня: отчего ты печален? И мне одинокому, станвится еще грустнее». Дневниковая запись дополняет поэтический текст.

Никакие дорожные трудности не могли остановить Басё: он трясся в седле зимою, шел с крутизны на крутизну в разгар летней жары, ночевал, где придется: на подушке из травы, в горном храме, на неприятном постоялом дворе... Случалось ему отдыхать и на гребне горного перевала:

Выше парящих жаворонков
В небе присел отдохнуть
На горном перевале.
Прошел я сотню ри,
За дальней далью облаков
Присяду отдохнуть.

«Недолгий отдых в гостеприимном доме» лишний раз убеждает нас, что длительные странствия по дорогам страны не были увеселительной прогулкой. Они были суровым испытанием физических и душевных сил поэта:

Здесь я в море брошу, наконец,
Рваные сандалии мои.
Бурями истрепанную шляпу.

Содержание хайку, написанных в годы странствий, говорит нам, что дороги стра-

ны являли собой творческую мастерскую поэта, увиденное и услышанное им в пути подсказали образы, а титанический труд гения облачил их в подобающие слова и определил их точное место в строке.

Вы грустите, слушая крик обезьян
А слышали плач ребенка,
Покинутого на холодном осеннем
ветру?

Иней его укрыл,
Стелет постель ему ветер.
Брошенное дитя.

Десять лет с небольшими перерывами странствовал Басё по стране. Увиденное и услышанное, после тщательной проработки мастером, превращалось в поэтические шедевры. Шел по дорогам Японии, приобщая людей к подлинному искусству, пробуждая творческий дар даже в профессиональном нищем. Цена уединения, он не был отшельником, в странствиях не бежал от людей, а сближался с ними. Длинной чередой проходят в его стихах крестьяне за полевыми работами, рыбаки, погонщики лошадей, сборщики чайных листьев, нищие. Поэт делает для себя открытие, он находит ритм поэзии в трудовом ритме, в процессе работы крестьян:

Вот исток. Вот начало
Всего поэтического искусства!
Песни посадки риса.

«По пути на север слушаю песни крестьян»

Поэт-странник разделяет радость тружеников полей во время всходов посевов, сбора урожая, печалится вместе с теми, чьи посевы погибли из-за проливных дождей или во время засухи.

Так близки и понятны ему заботы крестьян, их нелегкая жизнь, заполненная постоянным трудом. Но поэт замечает, что крестьяне в очереди, казалось бы, беспросветных дней находят счастливые минутки взглянуть на луну, на цветок, послушать пение птиц:

Полоть...жать...
Только и радости летом —
Кукушки крик.

«Крестьянская страда»

Во время нелегких странствий по дорогам Японии соединились, переплелись судьбы народа и поэта, их нужды, чаяния, мечты автору хайку известны не из письменных источников, не по слухам, не по рассказам других. Он видел своими глазами, он сам испытал голод, холод, испепеляющую жару. Об этом поэзия Басё:

Побеги риса лучше слов сказали мне,
Как почернел лицом,
Как много дней провел в пути я.
«Увидел, как высоко поднялись ростки
на поле»

Поэт разделяет тревогу жителей деревни по поводу затянувшихся проливных дождей, которые могут погубить их труд и обресть на голод их семьи:

До чего же долго
Льетса дождь! На голом поле
Жниво почернело.

Не только наблюдения над жизнью крестьян, но и городская жизнь подсказывала немало разных тем и образов наблюдательному художнику:

Праздник весны...
Но кто он, прикрытый рогожей
Нищий в толпе.
«Встречаю Новый год в столице»

Как бесконечно разнообразны поэтические образы в хайку Мацуо Басё! Как много радости и боли вмещало сердце поэта. Предельно лаконичный текст хайку очень зримо рисует нам картину предновогоднего вечера. Торопливо бегут толпы людей озабоченных покупками предновогодних обновок, праздничной снеди, все они торопятся к домашнему очагу, где их ждут родные, близкие. В городской суе никто не замечает одинокого путника, медленно бредущего среди них.

Его не ждут родные, его не ждет тепло домашнего очага, никто не обращает на него внимания.

Что же нам-то так грустно после нескольких строк о некоем «нищем в толпе», на которого обратил внимание поэт триста лет тому назад? Не я ли вчера видел такую же картину? Не я ли встретил такого же бездомного в уличной толпе? Не строки ли Басё лишний раз обратил мое внимание на судьбу другого человека?

Многие стихи навеяны легендами, сказаниями, древними преданиями. Например, любимый в Японии праздник «Танабата», в основу его положена легенда, заимствованная у древних китайцев. Пастух увидел на берегу реки прекрасных девушек, платье одной из них он похитил, и поэтому одна девушка не могла последовать за своими сестрами — небесными принцессами. Но она обрела счастье земное, они полюбили друг друга. Чувства Небесной ткачихи и пастуха еще сильнее упрочили их дети. Но богиня-мать не могла позволить дочери оставаться на земле и увела её в небесные чертоги. Счастливый брачный союз небесной принцессы и пастуха был безжалостно разрушен небесной богиней — матерью принцессы, она увела дочь в небесный дом.

Только один раз в году в 7-й день 7-го месяца влюбленные могли встречаться на мосту, перебрасываемом через небесную реку — Млечный Путь. И в наши дни можно увидеть, особенно в канун праздника Танабата, народную картинку с изображением бегущих по воздушному мосту навстречу друг другу девушки и молодого человека. В двух корзинах двое чудесных деток, которых несчастный-счастливый отец несет на свидание с матерью. Три стихотворных строки Басё:

Праздник «Встречи двух звезд».
Даже ночь накануне так не похожа
На обычную ночь.
«Накануне праздника Танабата»

Праздник, давно почитаемый японцами, особенно популярен среди молодежи.

В хайку нет изложения содержания легенды, всего лишь упомянуты «Две звезды», читатель легко узнает, что это звезда Пастуха и звезда Ткачихи. Поэт только лишь отмечает особенность восприятия ночи накануне праздника. Совершенно очевидно, что Басё многим обязан китайской поэзии в области поэтического языка и образов, однако его нельзя назвать плагиатором. Басё доставляет удовольствие сознание того, что чувства его созвучны чувствам великих китайских поэтов древности. Обогащение собственного опыта за счет ассоциаций с китайскими классиками не умаляли достоинств мастера японской поэзии, подобные отсылки его стихам сообщали некое дополнительное измерение.

Сюжет «На горе «Покинутой старухи»» тоже взят из старинной японской легенды:

Мне приснилась давняя быль:
Плачет брошенная в горах старуха.
И только месяц ей друг.

Согласно легенде, гора Нараяма известна тем, что в древние времена, когда условия жизни племени были суровы, людей, не способных добывать пищу, относили в горы, оставляя их в ожидании голодной смерти. Этот жестокий, вызванный суровой необходимостью обычай существовал и у других первобытных народов. Память японцев сохранила легенды и мифы на эту тему, дав духовную пищу последующим поколениям для оценки прошлого.

Примером переосмысления известной легенды, возможно, является «Легенда о Нараяма», в ней изложена краткая история о том, как по горной заснеженной дороге сын несет на спине худенькую мать. Он обратил внимание, что она ломает ветки деревьев и бросает их на землю. «Зачем ты это делаешь? — Чтобы ты, сынок, нашел обратную дорогу домой, — ответила мать». Растроганный ответом матери сын изменил свое решение и принес её домой.

Среди хайку Мацуо Басё находим немало удивительных слов, имеющих отношение к теме материнства, они обогащают и поэтический мир наследием прошлого в редкой, уникальной манере:

Сколько осеней
В одиночестве грустит
Матушка моя?

Извечная тема матери, обреченной на ожидание встречи с сыном, и запоздалого свидания, мощно выражают короткие поэтические строки Мацуо Басё:

Растает в руках моих, —
Так горячи мои слезы, —
Белый иней волос...

Поэт ощущал дыхание ушедших вглубь веков исторических событий. Минули в прошлое средневековые распри, баталии. Поля поросли травой. Шлем, найденный в поле, вызвал в памяти Басё глубокие и горькие раздумья о давно минувших событиях, о тех, кому не суждено было вернуться с поля брани. Семнадцать слогов-слов, отобранных и поставленных в строго продуманном порядке, воссоздали историческую картину, породили цепь ассоциаций, грустных и печальных. Как дань памяти павшим на полях сражений звучит этот маленький великий гимн.

О беспощадный рок
Под этим славным шлемом
Звенит сверчок.

Басё в своем творчестве воплощает наиболее значимые отличительные особенности национальной художественной традиции: простоту и благородство духа при внешнем аскетизме, глубину и философскую наполненность образа, умение передать многое в немногом, великое в малом.

За годы странствий Мацуо Басё довелось быть свидетелем многих бедствий народа. Душевную боль, глубокое сострадание к несчастью других передают его поэтические зарисовки:

Грустите вы, слушая крик обезьян.
А, знаете ли, как плачет ребенок,
Покинутый на осеннем ветру?

В самом начале дневника «Кости, белеющие в поле» Басё оставляет запись: «Возле реки Фудзи я услышал, как жалобно плачет ребенок лет трех от рода брошенный, он горюет о своих близких пока в нём теплится жизнь».

О маленький кустик хаги,
Нынче ли ты ночью облетишь
Или завтра увянешь?

Проходя мимо, я бросил ребенку немного еды из своего рукава».

Он даже не осуждает родителей, оставивших ребенка, он не сомневается, что жизненные обстоятельства, голод вынудил их так поступить.

Басё острее других выразил страдания японского народа. Пронзительная боль, звучащая во многих стихах, возможно, и отзвук его личной судьбы. Биографы ищут хоть некое маленькое свидетельство из его личной жизни, которое бы подтвердило, что великому поэту не чужды обычные человеческие страсти, чувства, заботы. И с такой радостью передают не подтвержденные слухи, что у него была возлюбленная в каком-то монастыре, двое детей... Так ли это? Но стихи, затрагивающие тему детей, отцов, на долю которых выпало горе утраты их, по степени психологического накала, мало кому удалось превзойти:

О, весенний сон!..
Разум мой не помутился,
Но какая боль!

Это стихотворение друга и единомышленника Райдзана вспоминает Басё. Стихотворению предпослано пояснение: «Дитя мое Дзюсюн. Ушел из мира в начале этой весны». «Весенний сон» — традиционная метафора, символизирующая быстротечность жизни, здесь приобретает особый оттенок, так как сын Райдзана умер весной.

Разговорная интонация стихотворения порождает ощущение невыносимой горечи. Поэты пользовались разговорным языком не для забавы, а ради высокого искусства.

Примером высшего психологизма, трагического накала является хайку «Отец тоскует о своем ребенке»:

Все падают и шипят.
Вот-вот огонь в глубине золы
Погаснет от слез моих.

Басё еще при жизни стал кумиром многих поэтов и любимцем всего образованного населения страны. Благородство сформулированных Басё художественных принципов накладывало на хайку отпечаток строгой изысканности..

Мацуо Басё изучал философию секты Дзэн, идеи которой оказали большое влияние на его мировоззрение и его творчество.

С величайшей требовательностью и заботой относился он к своему творчеству. Его стихи несмотря на предельный лаконизм формы, никак нельзя рассматривать как беглые экспромты.. Это плоды не только вдохновения, но и очень большого напряженного труда.

Многие поэты, современники Басё, относились к своему творчеству, как к игре. Философская лирика Мацуо Басё была явлением новым, небывалым и по серьезности тона, и по глубине идей. Творить он должен был в пределах традиционных форм, но ему удалось вдохнуть в эти формы новую жизнь. В свою эпоху он ценился как непревзойденный мастер трехстиший хокку-хайку, выдержавших испытание временем. Форма лирической миниатюры требовала от поэта жесткого самоограничения и в то же время, придавая весомость каждому слову, позволяя много сказать и еще больше подсказать читателю, разбудив его творческое воображение. Японская поэтика учитывала встречную работу мысли читателя. Этой задаче были подчинены важные и серьезные разработки поэтической формы.

Особой грустью отмечены лирические стихи последних лет. Пройден путь, длиною в целую жизнь. Поэт ощущает приближение конца жизненного пути.

Чувство одиночества охватывает поэта при виде свободно парящей птицы в облаках:

Отчего я так сильно
Этой осенью старость почуял?
Облака...птицы...

В поэзии Басё на фоне постоянно меняющейся природы еще яснее прорисовывается сложная душевная жизнь человека и непостоянство человеческой судьбы.

Больной опустился гусь
На холодное поле.
Одинокий ночлег в пути.

С необычайной простотой и выразительностью проводится здесь недосказанное сравнение между больным диким гусем, отставшим от своей стаи, что пролетала над озером, и самим поэтом, коротающим холодную ночь на постоялом дворе. Именно к такой эффектной простоте и стремился Басё в поэзии поздних лет.

О, этот долгий путь.
Сгущается сумрак осенний.
И ни души вокруг.

Предчувствие приближающейся болезни, одолевающая его старческая немощь вызвали неодолимое желание, потребность в общении с людьми.

Ища опору,
Схвачусь за колосок.
Пора прощаться.

Как подтверждают биография и дневники, хайку Мацуо Басё основаны не столько на художественном вымысле, сколько на личном жизненном опыте, на собственном впечатлении. Боль утраты друга выливается в поэтические строки:

О, где ты моя опора?
Посох из крепкого тута
Ветер осенний сломал.

Еще вчера мы любовались им
Сегодня он светит над твоим
Могильным холмом.

Меня печального
Сильнее грустью напои,
Кукушки зов.

Образ жизни Мацуо Басё, необустроенность быта, десятилетние странствия по трудным дорогам страны, не могли не сказаться на его здоровье. Последнее стихотворение Басё не смог записать сам, он продиктовал его своим ученикам, собравшихся у постели тяжело больного учителя:

В пути я занемог
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным полям...

«Строки, сложенные на одре болезни»

«В основу созданной поэтики Басё положил эстетический принцип *«саби»*. Слово это не поддается буквальному переводу. Его первоначальное значение — «печаль, одиночество». *Саби*, как особая концепция красоты, определила собой весь стиль японского искусства в средние века. Красота, согласно этому принципу, должна была выражать сложное содержание в простых, строгих формах, располагавших к созерцанию. Покой, гармония, приглушенность красок, элегическая грусть, достигнутая скупыми средствами, таково искусство *саби*, звавшее к созерцательности, к отрешению от жизненной суеты. Этот эстетический принцип становился родником поэзии, наделяя ее возвышенным строем мысли и чувства» (В. Маркова).

Одним из первых требований, предъявляемых Басё при написании хайку, был принцип *«макото»*.

Слово *макото* превратилось в ключевой эстетический критерий. Хайку, согласно требованию учителя к своим ученикам, не может существовать отдельно от *макото*. Точный смысл слова *макото*

может обозначать «правда, искренность, честность». Понятие *макто*, прежде всего, воплощение простоты, призыв смотреть на мир глазами ребенка, стремление раскрыть сокровенные человеческие чувства.

Тональность стихотворения непосредственная, разговорная, не требует специальных комментариев. Для них характерна чистота звучания. Но одного *макто* недостаточно для превращения 17 слогов-слов в хайку.

Важную роль в написании хайку играют так называемые «*кирэджи*» («отсекающие»), непередаваемые междометия «я, на, ка, кэрри» и другие, в их функцию входило разделение или обособление частей стихотворения. «Они предназначались для цементирования элементов хокку (хайку). Басё увеличил их число до 40» (Д. Кин). Роль *кирэджи* в поэтической миниатюре, как мне кажется, исключительно важна. Очень значителен перевод на русский язык этого слова «отсекать». Ведь всего лишь семнадцать слов, из них одно непередаваемое, не несет смысловой нагрузки, отнимает драгоценное слово, столь значимое для поэта. Но мы убеждаемся на многочисленных примерах, как важна роль *кирэджи* в хайку. Как бы отсекает один мир от другого, мир вечности от мира преходящего.

Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Воды всплеск

ФУРУИКЭ Я
КАВАДЗУ ТОБИКОМУ
МИДЗУНО ОТО.

Конечное «я» первой строки «Старого пруда...» в транскрипции — КИРЭДЗИ — действительно, играет колоссальную роль.

СУДЗУСИСА Я.
КАНЭ О ХАНАРУРУ,
КАНЭ НО КОЭ.
Прохладный (ветерок)
Колокола покинув,
Плывет вечерний звон.

Хайку Мацуо Басё являются образцом следования принципу КАРУМИ. В противовес техническому мастерству и декоративной яркости *каруми* создает ощущение легкости и прозрачности:

Больной опустился гусь
На холодное поле.
Одинокий ночлег в пути.

ЯМУ КАРИ НО
ЁСАМУ НИ ОТИТЭ
ТАБИНЭ КАНА.

Транскрипция, как мне думается, действительно позволяет ощутить легкость и прозрачность звучания оригинального текста благодаря принципу КАРУМИ.

Виртуозное мастерство автора не бросается в глаза, оно завуалировано впечатлением предельной искренности. Такой результат — плод неустанного труда и бескомпромиссной требовательности Басё к своему искусству. Он призывал учеников соблюдать принцип *каруми*, постоянно следовать ему.

Хоку зиждется на чувственном восприятии, оно основано не столько на поэтическом вымысле, сколько на непосредственном впечатлении.

Скупость средств, графичность изображения, постоянное изменение тональности поэтического произведения из-за многозначности японского языка. Мацуо Басё сконцентрировал внимание в хайку на соблюдении принципа *каруми*, который вынашивал давно и настойчиво внедрял в поэтическую практику. Даже в период зрелости мастера стихи зачастую были усложнены и требовали комментария, поэтому принцип *каруми* становился крайне востребованным.

Требование от художника применять *каруми* предполагало также выбор сюжета преимущественно из повседневной жизни. Высокие материи стали исчезать из поздней лирики мастера хайку.

В своих усилиях по распространению КАРУМИ Мацуо Басё наталкивался на сопротивление поэтов, нелегко было отказать от многозначности образов и

изошренной поэтической техники, процветавших долгие годы в жанре хайку.

Очень хочется привести еще один пример, чтобы не только доверять теоретическим выкладкам, а самому убедиться в правомерности сказанного. Особенно в японском звучании испытываешь легкость и прозрачность:

КОНО АКИ ВА
НАН ДЭ ТОСИ ЁРУ?
КУМО ТОРИ.

Отчего я так сильно
Этой осенью старость почуял?
Облака, птицы.

Утомленный путник, пожилой человек взбирается по крутой тропинке к ночлегу в горном храме. Силы покидают его. И вдруг все меняется, откуда-то прилив сил: в траве он замечает цветок фиалки!

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалка... в густой траве.

Измученный,
Едва-едва добрел до ночлега.
И вдруг — глицинии цветок!

Тональность стихотворения — непосредственная, разговорная, не требуется специальных комментариев. Для поэтической миниатюры характерна чистота звучания.

Басё в своем творчестве воплощает наиболее значимые отличительные особенности национальной художественной традиции: простоту и благородство духа при внешнем аскетизме, глубину и философскую наполненность образа, умение передать многое в немногом, великое в малом.

В раннем творчестве в хайку Басё встречается много реминисценций из отечественной истории, китайской литературы. И этот прием не был свидетельством демонстрации эрудиции, он оправдал себя на определенном этапе творчества. Но в поздней лирике, когда в долгих стран-

ствиях выстраданы новые художественные принципы, Басё отказывается от сложного языка, требующего комментариев внушительных размеров. Философскому содержанию его поэзии исключительно подходит простая лексика, но это великая простота. *Ямакотоба* — слова японского происхождения, занимают достойное место в творчестве мастеров хайку. Благодаря использованию художественных принципов *макто*, *кирэджи*, *каруми*, *саби*, *ямакотоба*, открытых Мацуо Басё, лирическая миниатюра хайку смогла через микрокосм выразить Вселенную.

Говоря о поэтическом творчестве Мацуо Басё нельзя не сказать еще об одной эстетической категории японского искусства: пустотно-белое как философская категория японской эстетики. Её открыла, по крайней мере, для меня, удивительный знаток художественной культуры Японии Татьяна Григорьева. Вне этой категории немислимо понять, проникнуть в суть японского искусства. В полной мере эта философская категория имеет отношение как к содержанию, так и форме хайку, убедительным подтверждением могут служить приведенные выше лирические миниатюры Мацуо Басё. Он не только дарит поэтические строки читателю, он приглашает к творческому участию разделить с ним его мысли, дополнить их, заполнить белое пространство вокруг стихотворного текста своими думами-рассуждениями, свои личным жизненным опытом. Не так ли камушек, брошенный в воду, вызывает множество круговых линий?

Эй, повремени!
В колокол пока не бей —
Сакура в цвету.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мацуо Басё*. Великое в малом. Перевод, предисловие В. Марковой. М., 1999.
2. *Григорьева Т.* Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.

ВАЛЛЕНРОДИАНА БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

Е.А. Савельева, Г.Н. Питулько

В юбилейный для Российской Академии наук год усилиями сотрудников ее Библиотеки был подготовлен к печати первый выпуск каталога редких книг из кенигсбергского собрания Валленродтов, или Валленроддианы, которые, как и почти все частные собрания, вошедшие в состав Библиотеки Академии наук (БАН), не является специально выделенной коллекцией и хранится с 1950-х гг. в иностранном фонде редкой книги. В книгохранилище она располагается с остальными редкими иностранными и русскими книгами по расстановочным форматам, принятым в Академической библиотеке с XVIII в.

Кратко касаясь вопроса происхождения Валленроддианы и поступления ее книг в БАН, следует напомнить, что вторая мировая война существенно повлияла на перераспределение культурных ценностей в Европе. Многие библиотеки стран-участниц войны, в том числе и частные, поменяли своих владельцев. Но при перемене владельцев и, главным образом, при перемене места хранения ни одно книжное собрание не попало на другое в том виде, в каком оно хранилось раньше. Не избежали подобной участи и кенигсбергские библиотеки, среди которых находилось собрание Валленродтов. Около 1947 г. книги из Кенигсберга, включенного в состав Российской Федерации Социалистической республики под именем Калининграда, были отправлены в Ленинград в Библиотеку Академии наук, которая в то время занималась перераспределением репарационных фондов среди библиотек страны. Книги из кенигсбергских библиотек было решено оставить в Академии наук и поделить между двумя академическими библиотеками Москвы и Ленинграда. Часть книг гуманитарного профиля была передана в библиотеку отделения общественных наук Академии наук СССР, затем пре-

образованную в Фундаментальную библиотеку общественных наук, известную ныне как московский Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), в котором старая книга, в том числе и немецкая, заняла второстепенное положение. В настоящее время книжное собрание Валленродтов разделено между целым рядом учреждений России; большая ее часть хранится в Научно-исследовательском отделе редкой книги БАН (НИОРК), вторая находится в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), третья — в Музее Канта и Университете города Калининграда. Ряд изданий этого собрания оказался за границей — в Литве, Польше и Финляндии.

Таким образом, самая старая часть Валленродтского собрания в 1956 г. была принята в современный отдел редкой книги (НИОРК) и с тех пор постоянно хранится здесь. Кроме того, уже в 1980–1990-х г. ИНИОН передал БАН ряд старопечатных западноевропейских изданий, в том числе и издания XVI–XVIII в. из Валленроддианы. По предварительным подсчетам в БАН выявлено более двух с половиной тысяч изданий Валленроддианы. Однако даже книги, находящиеся в БАН, позволяют судить о том, что в целом к концу XVIII в. библиотека Валленродтов насчитывала не менее 10–15 тысяч томов, которые ныне рассеяны по многим городам и странам Европы.

Хронологические рамки Валленроддианы достаточно широки — это зарубежные редкие издания XV–XIX вв. Меньше всего в нашем собрании изданий XIX в. — всего пять томов. Среди них интерес представляют записки французского маршала Нея о Наполеоне¹. Самые ранние печатные книги XVв., или инкунабулы, насчитывают всего 14 изданий. В составе Валленроддианы БАН хранятся многочисленные сборники, т. е. раз-

личные издания, сплетенные в один том (конволюты).

Самой объемной по количеству изданий оказалась та часть Валленродского собрания, которая сосредоточена в формате «in quarto», т. е. в четвертую долю листа. Она насчитывает 1406 издательских единиц. Именно поэтому при составлении каталога Валленродианы ей и было отдано предпочтение. По хронологии описываемые издания распределяются следующим образом: XVI в. — 290 издательских единиц; XVII в. — 1059 издательских единиц; XVIII в. — 76 издательских единиц.

Остановимся чуть подробнее на истории создания самой Валленродианы. Библиотека Валленродтов в Кенигсберге формировалась на протяжении нескольких столетий. Ее начало было положено в 1613 г. Среди самых ярких владельцев-библиофилов из этой семьи выделялись основатель библиотеки Мартин фон Валленродт, его сын Иоганн Эрнст Валленродт и его дядя-соправитель Эрнст Валленродт, чья деятельность и жизнь тесно связаны с Кенигсбергским университетом и общественной жизнью города². Множество сборников из Валленродианы, которые ученые-книговеды обычно называют конволютами, были составлены непосредственно Эрнстом Валленродтом. Об этом можно судить, исходя из содержания его дарственных записей на книгах. Эти записи также свидетельствуют о его постоянном интересе к библиотеке, получившей место хранения в Домском соборе, относящемуся в то время к Кенигсбергскому университету (Альбертине).

Одним из страстных любителей и почитателей редкостей был его дядя — основатель этой библиотеки Мартин Валленродт, в первом собрании которого, сгоревшем во время пожара 1623 г., имелось 3 тыс. томов. Кстати говоря, некоторые из книг нашей Валленродианы несут на себе следы огня, видимо, они связаны с этой катастрофой XVII в. Наличие подобных экземпляров позволяет пред-

положить, что не все первое собрание М. Валленродта тогда погибло. Именно после этого пожара Мартин Валленродт предложил руководству Альбертины свою новую библиотеку, участь которой была ему не безразличной. Главными условиями передачи этого книжного собрания в пользование Университета были выбор безопасного от пожара места хранения — каменный собор и сохранение прав на библиотеку, во главе которой должен был находиться прямой потомок Мартина Валленродта.

Следующим после Мартина Валленродта куратором библиотеки был его сын Иоганн Эрнст Валленродт, который одновременно с Эрнстом Валленродтом, но с меньшим рвением занимался ее пополнением. Об этом также имеется свидетельство на книгах, полученных им от дарителей и ныне хранящихся в наших фондах. Судя по дарственной латинской записи на франкфуртском издании «Рейнеке-Лиса» (1579 г.) с превосходными гравюрами Йоста Аммана потомок основателя библиотеки Мартин Сигизмунд Валленродт являлся канцлером: «Могущественному и знатному мужу господину Мартину Валленродту Канцлеру Пруссии даровал сию книгу Андреас Фоглер в 1673 г.»³.

Что же касается общей характеристики книг из Валленродианы, можно с уверенностью утверждать, что Валленродты, являясь страстными библиофилами, большое значение придавали внешнему оформлению книги. До появления экс-либриса кураторы библиотеки оставляли свои автографы на книгах, приобретенных для собрания, а с 1725 г., переданного под опеку города. Начиная с 1715 г. они пользовались экслибрисом с фамильным гербом и легендой, свидетельствующей об уважительном отношении к трудам своих предков. В начале XX в. хранители пользовались текстовым суперэкслибрисом: «Ex Bibliotheca Wallenrodiana» («Из библиотеки Валлеродианы»). Этот экслибрис, использовавшийся на протяжении веков, имеет одни и те же рисунок

и надпись, печатался на бумаге разного качества и разной выделки: от тряпичной XVIII — нач. XIX вв. до бумаги машинного производства, что свидетельствует о большом сроке бытования владельческого знака в Валленродтской библиотеке.

Валленродты сохраняли уважение к предшествующим владельцам и никогда не зачеркивали их автографы и дарственные записи. Наличие более ранних автографов и помет также свидетельствует и о том, что книги поступали к Валленродтам законным путем.

Одной из особенностей этой библиотеки является сохранение прежних переплетов, на которых иногда встречается тиснение в виде инициалов или года приобретения книги. Довольно часто встречаются переплеты датированные XVI–XVII вв. К числу первых владельцев, имена которых украшают наиболее ценную часть собрания — книги XVI века, встречается имя библиофила магистра филологии Андреаса Ириса (1540–1600), жизнь которого была тесно связана сначала с Эрфуртским, а затем — с 1568 г. — с Кенигсбергским университетом. Пометы, которые оставил после себя этот библиофил, говорят о том, что большую часть своей библиотеки он собрал именно в Кенигсберге. Судя по имеющимся в нашем распоряжении книгам, Андреас Ирис кроме автографов на титульных листах, имел и свой собственный переплет с монограммой: «M (agister) A (ndres) I (ris) H (ildesianus)», т. е «Magister Andres Iris Hildesianus» («Магистр Андрес Ирис Гильдезианус»).

В целом, судьба и состав книг Валленродтского собрания отражают те сложнейшие литературные и политические процессы, которые протекали в Германии главным образом в конце XVI–XVII вв. Еще в 1620-е гг. в Кенигсберге начал складываться кружок поэтов, местом встречи которых служил садик известного поэта, композитора и органиста кафедрального Кенигсбергского собора — Генриха Альберта. Этот автор в 1635 г. написал

музыку к первому оперному спектаклю «Клеомед» на либретто другого популярного поэта и профессора кенигсбергского университета Симона Даха. У композитора собирались любители барочной поэзии. Как это было принято в ту пору, они придумали несколько претенциозное название своему кружку — «Тыквенная хижина». Возможно, среди графоманов и поэтов этого кружка был и один из Валленродтов. По крайней мере, в составе Валленродтского собрания находилось достаточное количество сочинений Симона Даха. Причем эти работы представляли собой не только высокий жанр — оды, но и многие произведения «на случай», вошедшие в состав объемных томов-конволютов. Симон Дах прославился прежде всего своими многочисленными погребальными стихами, ряд которых был положен на музыку местными композиторами уже упоминавшимся выше Генрихом Альберти и Иоганном Вейхманом. Как правило, подобные произведения Симона Даха издавались в соответствующем сюжету оформлении. Только в настоящем каталоге учтено 44 его подобных сочинения. Именно Даху принадлежат стихотворения, посвященные Роберту Робертусу и многим другим известным кенигсбергцам. Так, в составе одного из многочисленных конволютов, входящих в состав Валленродтианы, мы находим и траурную песню Симона Даха, сочиненную 10 октября 1648 г. по случаю кончины кенигсбергского поэта, прусского государственного секретаря Роберта Робертуса (1600–1648), человека, без сомнения, тесно связанного с семьей Валленродтов.

Исходя из сохранившихся и изученных составителями каталога книжных помет, можно заключить, что Роберт Робертус, или Робертин, придворный советник юстиции, был также одним из первых владельцев книг со своими автографами, оказавшимися затем в составе библиотеки Валленродтов. Можно без преувеличения утверждать, что эрудит Робертус интересовался самыми различ-

ными темами, как и сами библиофилы Валленродты. Так, в собрании БАН имеется конволют, в состав которого входит венецианское издание «Описания Италии» Леонардо Альберти 1568 года⁴, имеющее три интереснейшие владельческие пометы, показывающие переход книги от одного владельца к другому. Первоначально книга была приобретена Георгом Лангирфельдом в Венеции в 1590 году. Судя по записи, относящейся к ноябрю 1622 г., это издание уже было в частной библиотеке Роберта Робертуса. Как можно заключить из последней, третьей по счету записи, от Робертуса книга попала к Эрнсту Валленродту, который приложил много усилий для комплектования уже собственной библиотеки. Как видно из записей, книги немецкого поэта, библиофила и одного из основателей литературного кружка в Кенигсберге Р. Робертуса, рано ушедшего из жизни во время чумы 1646–1648 гг., вероятно, сразу же попали в собрание Валленродтов. В одном из конволютов, составленных Эрнстом Валленродтом как раз в годы эпидемии 1646–1648 гг., имеется целый ряд проповедей и стихов, посвященных памяти Робертуса.

Тщательное изучение состава некоторых «толстых» конволютов-сборников дало основание авторам каталога определить и составителя этих удивительных подборок, число которых иногда достигает более 200 отдельных изданий. Наличие дарственных записей и в ряде случаев росписи содержания, написанных одним почерком, позволяет с точностью назвать его имя — это племянник Мартина Валленродта Эрнст Валленродт, который вместо хранителя этой библиотеки сына ее основателя Иоганна Эрнста Валленродта серьезно занимался ее комплектованием. Большая часть этих конволютов содержит в себе тематические подборки. Прежде всего — это проповеди, речи и стихи «по случаю» кенигсбергских и вообще прусских и бранденбургских университетских преподавателей и пасторов. Главным образом, эти сочинения были

посвящены случаям весьма печальным. Это было не удивительно, поскольку во многих европейских городах и в XVII в. часто свирепствовала чума, приводившая к смертным случаям.

Вторая важная для Валленродтианы тема подборок, составленных Эрнстом Валленродтом, — юриспруденция. В предлагаемом на суд читателя каталоге она представлена в научно-библиографических описаниях многочисленных юридических диссертаций, защищенных главным образом в различных германских университетах. Однако вопреки общему правилу библиотек немецких магнатов и общему числу публикуемых в Германии в это время юридических диссертаций их общее число в собрании БАН невелико. Об этом можно говорить с уверенностью, поскольку почти все издания подобного рода печатались в формате «in quarto».

Судя по хранящейся в БАН части Валленродтианы, тематика книг этого собрания была самой разнообразной. В библиотеке находились юридические сочинения известных авторов XVI–XVIII вв., теологические трактаты, роскошные экземпляры Библий, литературные труды и т. д. Представители рода Валленродтов собирали также шедевры типографского искусства — издания Плантена и его наследников, Джунта, Эльзевиров и других известных типографов и издателей XV–XVIII вв.

Если говорить о соотношении национальной немецкой и европейской книги, то, безусловно, в составе Валленродтианы БАН преобладает немецкая книга. При этом латинский язык выступает в качестве основного наряду с формировавшимся с XVI в. литературным верхненемецким наречием. Чрезвычайно мало представлены другие национальные языки: французский, итальянский, испанский, практически отсутствует английский. Таким образом, в этом собрании на равных правах соседствуют латинский и немецкий языки.

Вполне естественно, что среди книг Валленродтианы основное место зани-

мают собственно кенигсбергские издания, выходившие в XVI–XVIII вв. Как уже указывалось, очень часто издания юридических трактатов, проповедей «по случаю», погребальных стихов и т. п. объединялись в конволюты. Главным составителем этих, иногда очень громоздких сборников, выступал сам владелец Эрнст Валленродт, племянник основателя библиотеки Мартина Валленродта. Подтверждением этого служат многочисленные росписи состава сборников. Интересны и сами методы подбора изданий в конволюты: это осуществлялось либо по тематическому, либо по месту печати или же по хронологическому принципу. Примером могут служить конволюты, составленные из работ Эразма Роттердамского, или сборники из вольфенбюттельских изданий Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона и других известных авторов.

Во многих сплетенных в один том изданиях, помимо сведений о принадлежности данной книги к библиотеке Валленродтов, мы встречаем любопытные записи или просто автографы. Например, в конволюте с сочинениями авторов XVI в. в двух из 9 изданий сохранились записи поэта Себастьяна Артомедуса. Вполне вероятно, что Валленродты, собирая книги для собственной библиотеки, руководствовались и соображениями особой ценности, какую книге придают автографы, связанные с историей Кенигсберга, его известных жителей и Кенигсбергского университета. Сами Валленродты также оставляли записи о первоначальной принадлежности той или иной книги, причем подробно сообщали, кто из их предков приобретал данную книгу. Так, на аугсбургском издании 1569 года «Немецкой Астрономии» Николауса Ренсбергера имеется запись, относящаяся к началу XVII в., т. к. она связана с именем Эрнста фон Валленрода. Она, как и многие подобные ей, проливает свет на первый этап собирательства в семье Валленродтов⁵. Владельческие записи показывают нам, что Эрнст Валленродт почти всегда сообщал о передаче книги в библиотеку

на том языке, на котором книга была напечатана.

Иногда на книгах можно обнаружить пометы Валленродтов, говорящие об их отношении к сочинениям определенных авторов. К примеру, на полях сочинения историка Самуэля Губера имеются пометы, судя по почерку, сделанные Мартином Валленродтом: «Diabol» («Дьявол»), «Corrigire» («Исправить»). Они говорят о тех теологических спорах, которые велись вокруг богословских тем в реформационном Кенигсберге, который в XVI–XVIII вв. являлся типографским центром не только для Бранденбурга и Пруссии, но и для соседних стран. Именно здесь в типографии Даубмана была напечатана первая книга на литовском языке — лютеранский Катехизис. Иными словами, Кенигсберг — это крупный университетский город герцогства Бранденбургского, который долгое время служил центром распространения протестантства на восток.

Конечно же, часть собрания Валленродтов, имеющаяся в БАН, не может дать полное представление об их библиотеке того времени, когда она хранилась в Домском соборе Кенигсберга. Как было сказано, выбор изданий во многом определялся вкусами первых владельцев и тем пиететом, который они испытывали к родному городу. И все же можно предположить, что явное предпочтение отдавалось современным владельцам кенигсбергских изданий. Главным образом, это были богословские, юридические и политические трактаты, сочиненные преподавателями местного университета «Альбертина». В XVII в. после смерти основателя библиотеки Мартина Валленродта одним из самых ревностных ее почитателей и собирателей стал его племянник Эрнст Валленродт. Как уже указывалось ранее, именно им были составлены многочисленные объемные конволюты, подобранные главным образом по содержанию по содержанию. Многие из них имеют подробные записи составителя.

Само их число уже свидетельствует о необыкновенном пристрастии Эрнста Валленродта к этой библиотеке, хотя в данном случае речь идет только об одном формате «in quarto», описанном в настоящем каталоге.

Как уже было упомянуто, в библиотеке Валленродтов имелись и многочисленные издания XV в., среди которых имеются такие уникальные экземпляры, как, например, «Пятиязычная Библия», напечатанная 17 февраля 1483 г. в Нюрнберге знаменитым немецким издателем XV — начала XVI вв. Антоном Кобергером со множеством иллюстраций — прекрасных ксилографий, сделанных по образцу Кельнской Библии с удивительными шрифтами, отличающимися от прочих шрифтов типографа. На книге имеются многочисленные записи⁶. Среди инкунабул, находящихся в БАН, преобладают теологические и юридические книги. С большой вероятностью можно говорить о том, что они являются лишь небольшой частью книг XV в. из собрания Валленродтов.

Если инкунабулы собрания БАН по своему содержанию более или менее традиционны, то тематика книг XVI в. более разнообразна. Среди Валленродианы БАН имеются теологические и юридические трактаты, исторические сочинения, литературные труды, многочисленные проповеди, стихи и речи «по случаю», астрономические и математические работы видных ученых. Книги этого времени изданы в Пруссии, а именно в Кенигсберге, хотя большее число изданий этого города приходится на XVII—XVIII вв. Встречаются издания, напечатанные в таких городах, как: Иена, Виттенберг, Нюрнберг, Франкфурт на Майне и Франкфурт на Одере, Лейпциг и в других немецких типографских центрах. Из книг XVI в. нужно выделить такой уникальный экземпляр, как «Kirchen Ordnung»⁷ («Церковный порядок») (1558 г.) с экслибрисами основателя кенигсбергского университета

Бранденбургского герцога Альбрехта и Валленродтов. Библиотека обладала такими изысканными изданиями, как книги, напечатанные знаменитым франкфуртским предпринимателем Сигизмундом Фейерабендом, в частности его «Саксонская хроника» (1585 г.)⁸ и «Персидская история» (1592 г.)⁹. Некоторые его издания были украшены иллюстрациями немецкого художника XVI в. Иоста Аммана, с которым Фейерабенд поддерживал постоянную связь. Примером могут служить популярный немецкий народный роман в переложении Гартмана Шопера «Рейнеке Лис» (1579 г.)¹⁰, Гербовник¹¹ (1579 г.). Многие из книг XVI в. относятся к начальному периоду существования библиотеки Валленродтов, о чем говорят записи и суперэкслибрисы либо ее основателя Мартина Валленродта, либо тех лиц, которые дарили ему эти книги. Из немецких изданий XVI в. интерес представляют Библия на саксонском наречии (Гамбург, 1596 г.)¹², «Описание Христианской церкви»¹³ Гидеона Каспара, «Корпус христианского вероучения»¹⁴ Филиппа Меланхтона и другие сочинения знаменитого гуманиста, основополагающие и полемические труды Мартина Лютера. Особо можно назвать его «Энхиридион» с автографом Мартина Валленродта¹⁵. Среди других знаменитых издателей и типографов XVI в., представленных в Валленродиане БАН, имеются труды знаменитого базельского издателя Иоганна Фробена, в частности, «Жизнь цезарей»¹⁶ с комментариями Эразма Роттердамского и т. д.

Основное ядро книг Валленродской библиотеки, в настоящее время хранящихся в БАН, без всякого сомнения, комплектовалось в XVII столетии. Именно к этому периоду относится большая часть изданий. Причем некоторые сочинения авторов XVI века в этой библиотеке были представлены переизданиями XVII в., например «Космография» Себастьяна Мюнстера (Базель, 1614 г.)¹⁷. Для собрания книг XVII в. любой библиотеки этого

времени характерно наличие большого числа изданий знаменитой голландской фирмы Эльзевиров, именно в этот период переживающей свой расцвет. Не было исключением и собрание Валленродтов. В БАН имеется 9 томов из всемирно известной серии «Республики» этого издательства. Можно выделить, в частности, книги, посвященные истории Бельгии, Империи Моголов, Испании, Португалии, Священной Римской империи германской нации, Англии, Японии¹⁸ и т. д. Из других изданий Эльзевиров можно назвать историческое сочинение, отражающее эпоху завоеваний Тамерлана¹⁹ или же «Историю» германского народа фризов, земли которых входили в состав Империи Каролингов, а позднее Империи Габсбургов²⁰ и т. д.

Итак, материалы подготовленного первого выпуска каталога книг из собрания Валленродтов, хранящихся в БАН, позволяют сделать вывод о том, что, несомненно, эта библиотека достойна пристального внимания и изучения. Валленродтское собрание дает представление не просто о книжной культуре Кенигсберга, но и о сложных перипетиях духовной жизни немецкого общества эпохи формирования Прусского королевства. Также данные каталога книг из Валленродтианы позволяют проследить основные этапы формирования норм верхненемецкого языка и немецкой литературы раннего нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mémoires du maréchal Ney. T. 1. Bruxelles, 1833.

² *Лавринович К.К.* Альбертина: очерки истории Кенигсбергского университета: к 450-летию со дня основания. Калининград, 1995. С. 97–107.

³ *Schopper Hartmann.* [Reinecke Fuchs]. Speculum vitae aulicae. De admirabili fallacia et astutia Vulpeculae Reinikes libri quatuor, nunc primum ex idiomate Germanico latinitate donati, adiectis elegantissimis iconibus... auctore Hartmanno Schoppero...

Francof. ad Moenum, apud Nicolaum Bassaeum, 1579.

⁴ *Alberti Leonardo.* Descrizione di tutta Italia di F. Leandro Alberti Bolognese... Venetia, appresso Lodovico degli Avanzi, 1568.

⁵ *Nicolaus Rensbergensis.* Astronomia. Teutsch. der gleichen vormals nyne in druck auss gangen darinn verfast seind vier Bucher... Augsburg, durch Mattheum Francken, 1568.

⁶ [Biblia Germanica]. На нем. яз., цветные иниц. Текст в два столбца. [Nurnberg, Anton Koberger], 17. Febr., 1483. 263 f.

⁷ Kirchen Ordnung Wie es im Hrtzogthumb Preussen... Th. 1–2. Königsbreg, bey Johann Daubman, 1558.

⁸ Sächsische Chronica. Franckfurt am Mayn, in Verlegung Sigismund Feyerabend, 1585.

⁹ Persische Historia, Das ist: Warhaffte und Aussfürliche Beschreibung von dem landwirigen und erschrücklichen Krieg der Türcken wider die Persien... 1577... Franckfurt am Mayn, durch Johann Feyerabendt in Verlegung Peters Fischers, 1592.

¹⁰ *Schopper Hartmann* (1542–?). [Reinecke Fuchs]. Speculum vitae aulicae. De admirabili fallacia et astutia Vulpeculae Reinikes libri quatuor, nunc primum ex idiomate Germanico latinitate donati, adiectis elegantissimis iconibus... auctore Hartmanno Schoppero... Francof. ad Moenum, apud Nicolaum Bassaeum, 1579. [10] ff., 496 pp., [10] ff. cum ill.

¹¹ *Feyerabend Sigismund.* Stam und Wapenbuch. Franckfurt am Mayn, 1579.

¹² Biblia Dat ys: De gantze hillige Schrifft Sassisch D. Martin Luth. Hamborch, dörch Jacobum Lucium den Jüngern, 1596.

¹³ *Hedion Caspar.* Chronica Warrhafftige Beschreibung aller alter Christlichen Kirchen. Franckfurt am Mayn, durch Peter Schmid und Jo. Herwagen Erben, 1565.

¹⁴ *Melanchton Philipp.* Corpus doctrinae Christinae. Witemberg, Hans Krafft, 1561.

¹⁵ *Luther Martin.* Enchiridion Piarum precationum, cum Calendario et Passionali,

ut vocant... Witebergae, excudebat Laurentius Schuvenck, 1560.

¹⁶ Vitae Caesarum quarum scriptores ... Annotationes D. Erasmi Rot. Et Baptistae Egnotij vitas Caes. Basileaem, Froben, 1546.

¹⁷ *Münster Sebastian*. Cosmographie: das ist Beschreibung aller Lander Herrschafften und furnemsten Stetten... Basel, Sebastian Henricpetri, 1614.

¹⁸ *Varenius Bernardus*. Descriptio Regni Japoniae. Amstelodami, apud Ludovicum Elzevirium, 1649.

¹⁹ *Ahmedes Arbasiada*. Ahmesdi Arbasiadae Vitae et rerum gestarum Timuri qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia. Lugduni Batavorum, ex typographia Elzeviriana, 1636.

²⁰ *Emmius Ubbo*. Rerum Friscarum historia. Lugduni Batavorum, apud Ludovicum Elzevirium, 1616.

К 175-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ Н.К. РЕРИХА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ

В.А. Матвеева, Н.А. Шаталова

Санкт-Петербургское художественное училище имени Н.К. Рериха, является приемником и продолжателем традиций «Рисовальной школы для вольноприходящих». Школа была основана по инициативе действительного статского советника Корнилия Христиановича Рейссига и при поддержке министра финансов графа Егора Францевича Канкрин с целью повышения художественного уровня среди рабочих масс. В 1839 году Николай I подписал «Положение» о школе и ее штате.

Наклейка СПб Рисовальной школы
для вольноприходящих

Книжное ядро библиотеки, которая изначально формировалась как учебное подразделение, составляют русские и зарубежные раритеты по архитектуре, скульптуре, декоративно-прикладному искусству, живописи, рисунку, графике и орнаменту. Многие труды по истории искусства не переиздавались и являются ценнейшими памятниками книжной культуры.

Библиотека не только разделяет славу своего учреждения, но и способствует ее поддержанию, сохраняя, изучая и раскрывая информацию о своем поистине уникальном собрании памятников мировой книжной культуры. В фонде библиотеки находятся редкие издания Рисовальной школы для вольноприходящих, издания Императорского Общества поощрения художеств, книги из личных коллекций членов ИОПХ, литографированные лекции педагогов школы, русские и зарубежные альбомы и учебные пособия по искусству.

С разрешения министра финансов графа Е.Ф. Канкрин и по указанию директора Школы действительного статского советника Корнилия Христиановича Рейссига с первых лет существования

Школы издаются первые учебные пособия: «Об изучении искусства рисования и применении оногo к ремеслам для учителей и учеников Рисовальной школы для вольноприходящих в Санкт-Петербурге» (1840), «Чертежи для употребления в чертежных классах Рисовальной школы для вольноприходящих и Воскресных рисовальных школах с таблицами и пояснительными текстами» (1843), «Пять ордеров колонн по системе древних и новейших строителей» (1845).

В предисловии к изданиям К.Х. Рейсиг отмечал «их предназначение не для продажи, а для преподавания в Рисовальных классах ремесленникам и выдачи в награду отличившимся ученикам».

Книжный фонд наряду с методической и учебной литературой пополнялся ценнейшими «подносными экземплярами» книг, на которых сохранились наклейки «Санкт-Петербургской Рисовальной школы для вольноприходящих».

Среди них альбом «*Musee de Tzarskoe Selo ou collection d'armes de sa Majeste l'Empereur de toutes les Russies*» — первое литографированное издание в России, дающее представление об уникальной коллекции художественного оружия Царскосельского арсенала. Успех обеспечивался прекрасными рисунками, выполненными миниатюристом А. П. Рокштулем. Подбор экспонатов осуществляли хранители Царскосельского Арсенала К.И. Седжер и Ф.А. Жиль, последний также составил аннотации и написал введение к альбому. Издание альбома «*Musee de Tzarskoe Selo...*» началось с 1835 г. и продолжалось до 1853 г., его организовал издатель и книгопродавец из Карлсруэ Жан Фельтен. Увраж представляет огромную историко-культурную, научную, художественную ценность.

Альбом «*Musee de Tzarsroe Selo...*», как и другое роскошное издание «Древности Российского государства, изданное по Высочайшему повелению государя императора Николая I», попал в разряд редких изданий, которые преподносились в дар от имени правительства. Николай I

уделял большое внимание охране памятников России. В это иллюстрированное издание вошло около 700 рисунков и акварелей художника Ф.Г. Солнцевым, воспроизводящих сокровища Московской Оружейной палаты. «Только благодаря ему, — писал о художнике секретарь ИОПХ Н.П. Собко, — сохранились многие важные исторические предметы, если не в подлинниках, теперь уже утраченных, то по крайней мере в верных копиях». По высочайшему повелению императора Николая I был учрежден специальный комитет по изданию «Древностей Российского государства», который взял на себя подготовку научного и справочного аппарата. Обработка текста была выполнена помощником директора Московской Оружейной палаты А.Ф. Вельманом и профессором Московского университета, известным знатоком московских древностей И.М. Снегиревым. Важность этого труда была высоко оценена современниками и издание практически сразу стало библиографической редкостью.

В 1857 г. Рисовальная Школа перешла под опеку Общества поощрения художеств. Слияние библиотечных фондов способствовало функциональному расширению библиотеки за счет активной издательской деятельности общества. Оно привлекало к работе над литографиями многих молодых художников и уделяло большое внимание не только содержанию, но и самой технике литографской печати.

Литография нашла широкое применение в журнальной области — в издании первого русского иллюстрированного сатирического журнала «Ералаш», который являлся ярким примером высокого качества полиграфии середины XIX века. Журнал «Ералаш» выходил 4 раза в год (всего вышло 16 тетрадей) в виде альбома литографированных карикатур с краткими текстами и издавался в Петербурге в 1846–1850 годах. Большинство карикатур и эпиграмм было выполнено его издателем Михаилом Львовичем Неваховичем (1817–1850), остроумным рисо-

вальщиком и автором эпиграмм. Журнал освещал преимущественно с демократических позиций явления общественной жизни, литературы, искусства и был закрыт департаментом по цензуре «за предосудительное направление в работе».

Из личного собрания крупного чиновника периода правления Николая I Александра Владимировича Политковского поступил в библиотеку журнал «Русский художественный листок», издаваемый выдающимся рисовальщиком и литографом Василием Федоровичем Тиммом с 1851–1862 гг. С художественной и технической стороны журнал-хроника Тимма представляет собой литературный памятник выдающегося значения, не имеющих аналога на Западе.

В период деятельности секретаря Общества известного литератора и общественного деятеля Дмитрия Васильевича Григоровича (1822–1899) и библиотекаря Владимира Георгиевича Бока (1822–1899), впоследствии хранителя Отдела Средних веков и Возрождения Эрмитажа, фонд библиотеки был значительно пополнен русскими и зарубежными изданиями. С целью ознакомления с организацией специального образования в Европе Григорович и Бок были командированы в Австрию, Германию, Францию, откуда привезли учебно-вспомогательные, художественные пособия и редкие альбомы по искусству.

С 1871–1877 годы Григорович опубликовывал подробные «Описи предметов, приобретенных художественно-промышленным музеем, учрежденным высочайше ОПХ», которые включали также и книги, приобретенные для библиотеки Рисовальной Школы.

В «Положении» об организации библиотеки был четко сформулирован принцип ее деятельности. Все поступившие издания заносились в особую шнурованную книгу с описанием их полных названий и указанием источника поступления, если издание было приобретено на суммы Общества или пожертвовано частным лицом. Печатный указатель библиотеки со-

держал отметки на русском языке, с кратким описанием содержания книги, рисунков и изображений, сгруппированных по характеру стилей. Папки с рисунками распределялись по отраслям и хранились в специальных ящиках с обозначением предметных и географических рубрик. В читальном зале библиотеки находились столы и пулпитры для занятий. Бумагу, карандаши и краски приносили сами читатели, но в редких случаях, когда из-за финансовых затруднений посетители не могли их приобрести, художественные принадлежности на временное пользование выдавались библиотекарем. Книги и рисунки выносить из помещения библиотеки не разрешалось.

В 1879 году Министерство Финансов стало выделять Рисовальной школе 2250 рублей на изготовление художественно-промышленных рисунков по различным отраслям производств для рассылки Департаментом Торговли в различные мануфактурные центры России. Увеличилось количество частных заказов от предпринимателей на изготовление рисунков и к 1885 году в библиотеке насчитывалось свыше тысячи листов с изображений копий лучших оригиналов, премированных на ежегодных конкурсах Общества, ежемесячных экзаменах по композиционному классу и экспонатов художественно-промышленного музея. В 1885 году Министерство Финансов, по распоряжению Императора, выделено 5000 рублей на издание «Сборника художественно-промышленных рисунков», каждый выпуск которого содержал 10 листов, которые можно было приобрести в розничной продаже. Издание было напечатано в типографии М.М. Стасюлевича и некоторые листы представляли собой первый в России опыт печатания фотолитографий красками. Издание можно было приобрести в редакции сборника и во всех книжных магазинах.

Многие книги из библиотеки Общества имели дарственные надписи, наклейки, экслибрисы членов ИОПХ. Среди них книги из частных коллекций

П.П. Гнедича, Д.В. Григоровича, В.Г. Бочка, Е.Е. Рейтерна, А.В. Вышеславцева, И.И. Толстого, Н.П. Кондакова, С.Н. Митусова, Н.П. Собко, М.П. Боткина и др.

В ежегодном отчете ИОПХ за 1896 год даны о библиотеке следующие сведения: «Библиотека состоит из более 2000 томов разных сочинений по всем отраслям изящных искусств для господ преподавателей и учеников. И всякое частное лицо с разрешения г-на директора школы пользуется теми разнообразными материалами, которые в ней собраны».

Представляет интерес издание Французской Академии под председательством М. Жерома «Exposition Meissonier» (Paris, 1893), посвященное известному живописцу Ж.Л.Э. Месонье, любимому художнику Наполеона III. В издание включены работы из частных собраний, в том числе из коллекции Александра Дюма-сына, который написал вступление к альбому.

Издания по декоративно-прикладному искусству и в том числе по русскому и зарубежному орнаменту всегда составляли золотой фонд библиотеки.

К ним относится альбом «Русский орнамент в старинных образцах художественно-промышленного производства», составленный Н. Симаковым и изданный ИОПХ в 1882 году. В издании отражены уникальные образцы русского искусства из собрания музея ИОПХ, частных коллекций М.П. Боткина, И.П. Балашева и музея А.К. Жизневского в Твери. На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве, прошедшей в 1882 году, издание было отмечено серебряной медалью.

С 1884 года пост секретаря ИОПХ стал занимать Николай Петрович Собко (1851–1906), чей вклад в развитие библиотечной, издательской, редакционной деятельности огромен. Более 50 работ по истории искусства и деятельности ИОПХ им было подготовлено и издано. С 1898–1902 гг. под его редакцией стал выходить журнал ИОПХ «Искусство и художественная промышленность»,

первый номер которого был отмечен высокими наградами за качество печати (Печатня Р. Голике). В предисловии читаем: «Господином Министром Внутренних Дел дано было разрешение на печатание журнала Общества без предварительной цензуры, а высшие представители разных ведомств, выражая общее сочувствие благому начинанию, обещали, в виду высокого интереса, который представляет собой проектированный Вестник, рекомендовать это полезное издание для библиотек учебных заведений».

В 1901 году на заседании Комитета ИОПХ была утверждена программа нового ежемесячного издания «Художественные Сокровища России» под редакцией А.Н. Бенуа.

Широко освещался выход в свет первого номера нового сборника «Образцы декоративного и прикладного искусства из Императорских дворцов, церквей и коллекций в России. Хромофотографии с акварелей, исполненных с натуры учениками Рисовальной школы ИОПХ под руководством директора академика Е.А. Сабанеева и с акварелей академика М.Я. Виллие». Сборник издался с Высочайшего соизволения Министерством Финансов. Таблицы исполнены в Экспедиции Заготовления Государственных бумаг (fac simile с акварелей) с той тщательностью и мастерством, которые вообще присущи всем художественным работам Экспедиции. Каждый предмет воспроизводился в красках и в крупном размере. Издание состояло из 50 рисунков, наклеенных на картон формата 38 × 55 см, на оборотной стороне которого был приклеен ярлык с обозначением сведений о происхождении образца, его стиле, времени исполнения и пр.

Большой опыт издательской деятельности имел Михаил Петрович Боткин (1839–1814). За свой счет он печатал каталоги художественных выставок ИОПХ, например: «Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве 1882 года» (сост. Н.П. Собко). В дальнейшем, на основа-

нии описей, составленных Д.В. Григоровичем, М.П. Боткин подготовил и издал в 1904 году «Каталог музея Императорского Общества Поощрения Художеств», включавший около 7000 экспонатов. Многие описания, сделанные Д.В. Григоровичем, Боткин оставил без изменения.

За издание «Собрания М.П. Боткина» (СПб., 1911) — отражение своей грандиозной частной коллекции, Михаил Петрович был удостоен звания Почетного члена Академии Художеств. С дарственной надписью он преподнес альбом в дар библиотеке ИОПХ.

В 1908–1910 гг. Комитет ИОПХ принял решение об издании «Сборника работ учащихся школы ИОПХ», литографированного в литографской и печатной мастерских школы. С целью издания сборника была создана комиссия в составе директора Н.К. Рериха и преподавателей — И.Я. Билибина, В.А. Щуко, Н.Н. Герардова, Н.С. Самокиша, А.А. Ры-

лова и А.Ф. Белого. Министерство финансов на новое издание выделило субсидию в 5000 рублей, освободившуюся от ликвидации журнала «Художественные Сокровища России».

В 1909–1910 гг. в библиотеку Школы поступили издания А.А. Боголюбова, Н.В. Покровского, Н.К. Рериха, книги по искусству издательства Н.И. Бутковской.

К 75-летию Рисовальной школы ИОПХ художником Николаем Емельяновичем Макаренко было подготовлено и выпущено издание «Школа Императорского Общества Поощрения Художеств. 1839–1914» (Петроград, 1914), объединившее в себе многочисленный фототипографический материал о многолетней деятельности Школы с перечнем педагогического и руководящего состава. До сих пор это издание остается основным источником художественной летописи старейшего учебного заведения Санкт-Петербурга.

Каталог музея ИОПХ

Макаренко Н.Е. Школа Императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. Петроград, 1914

Сегодня библиотека активно включена в образовательный процесс училища.

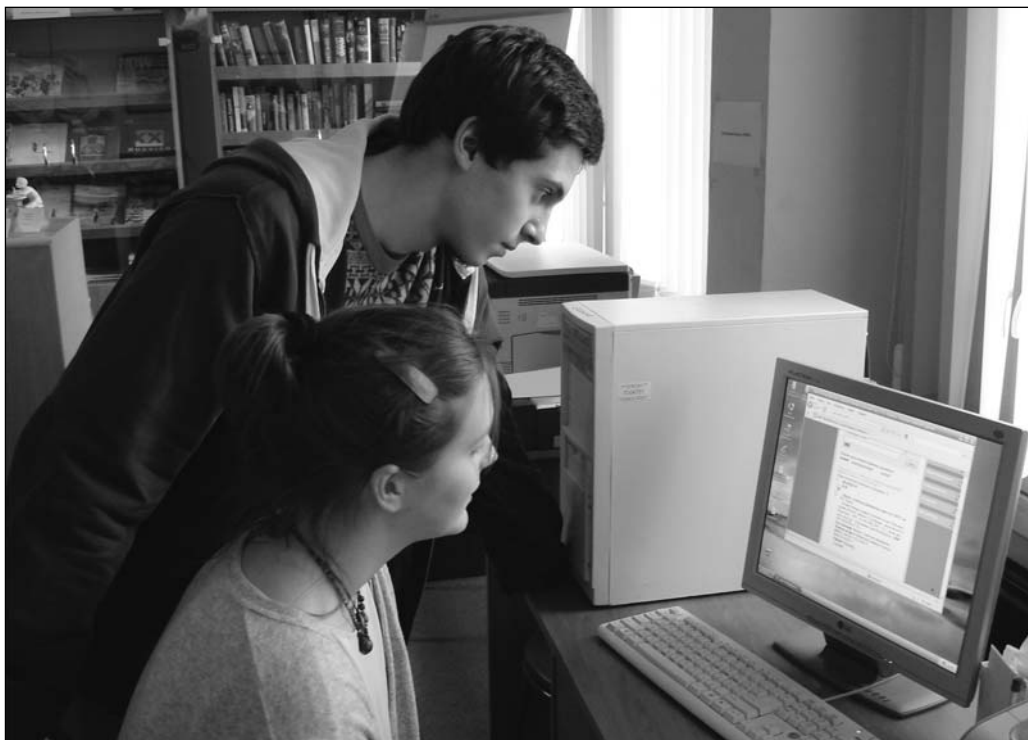
Система комплектования в современной информационно-коммуникативной среде основывается на тщательном изучении книгоиздательской продукции и сотрудничестве с крупнейшими издательствами и музеями Санкт-Петербурга. Библиотека приобретает новейшие учебники, учебные пособия, периодические издания, каталоги художественных выставок, альбомы по всем образовательным сферам искусства, которые включаются в электронный каталог системы ИРБИС и демонстрируются в читальном зале. Фонд библиотеки на 01.01.2013 год составляет 40000 единиц хранения. Около 30000 насчитывается количество названий изданий. В 2012 году в библиотеку поступило 271 названий и 506 экземпляров изданий. Практикуется форма открытого доступа к витринам с тематическими выставками организованным в помощь проводимых творческих конкурсов, предоставляется возможность самостоятельного выбора

учебной, методической и художественной литературы. Неизменным успехом пользуются альбомы и учебные пособия по академическому рисунку, живописи, дизайну. Студенты и педагоги могут увидеть книжные новинки по отдельным специальным дисциплинам на передвижных выставках, подготовленных совместно с издательствами.

Библиотека использует многофункциональные формы информационной деятельности, направленные на актуализацию читательской заинтересованности как неотъемлемой составляющей развития личности. Параметры чтения молодого поколения меняются от способов и формы получения информации. Поэтому, наряду с активно развивающимся электронным чтением, важна традиционная культура чтения, когда формируется живой диалог с книжным источником. Приобщение к истинным культурным книжным библиографическим редкостям является мощным интеллектуальным фактором, способным развить интерес

В читальном зале библиотеки

АРМ Читатель установлен в читальном зале

учащихся к чтению и изучению истории книги.

Одно из основных направлений деятельности связано с проблемой сохранения и использования культурного наследия в системе информационно-образовательной программы учебного заведения. Включение в электронный каталог редких изданий, способствует многофункциональному и системному поиску, созданию базы данных по истории училища, помогает изучению и использованию фонда его в условиях современного образовательного процесса. Для актуализации интереса к чтению, раскрытию ярких страниц и малоизвестных фактов из истории книги, воспитанию бережного отношения к книжному наследию и предоставлению возможности реального прикосновения к литературным первоисточникам XIX–XXI века, проходят факультативные занятия по программе «История книги и культура чтения».

Библиотека поддерживает тесные контакты с реставрационным отделением училища, которое уделяет большое внимание реставрации редких изданий. В 2010 году студенты отреставрировали книгу Н.Е. Макаренко «Школа Императорского Общества Поощрения художеств. 1839–1914» (Петроград, 1914), объединившей в себе многочисленный фактографический материал о многолетней деятельности Школы.

Многие проекты для дополнительного учебного процесса по истории искусств и мировой художественной культуры библиотека осуществляет совместно с кабинетом по истории искусств. Были подготовлены и проведены электронные презентации: «Редкие книги библиотеки СПбХУ имени Н.К. Рериха», «Библиотека в образовательной деятельности Рисовальной школы ИОПХ», «Библиотекари В.Г. Бок и В.С. Степанов», «К вопросу изучения древнерусского искус-

ства во второй половине XIX — начале XX века», «Русский стиль» в редких изданиях середины XIX — начала XX века из собрания библиотеки СПбХУ имени Н.К. Рериха», «Юбилейное издание «Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 года. Альбом репродукций в красках по картинам известных художников». Издательство С.М. Прокудина-Горского и К.П. Лаурсон. СПб., 1911 год», «Книги с дарственными надписями по истории древнерусской архитектуры из собрания коллекционера, библиофила академика живописи Михаила Яковлевича Виллие (1838–1910)», «Книжные редкости: Посвящение Романовым».

Огромный интерес вызывают все мероприятия, которые проходят в библиотеке и сотрудники всегда с радостью знакомят студентов с книжными сокровищами.

В сохранении и раскрытии традиций школы, в обеспечении учебной программы и приобщении к чтению молодых художников, дизайнеров, скульпторов,

реставраторов библиотека видит свою миссию в начале XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

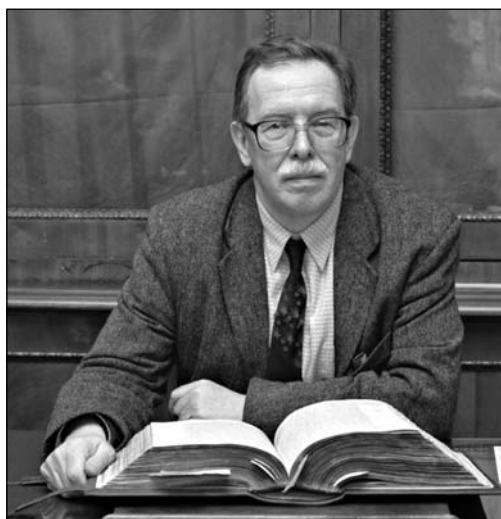
1. *Боровская Е.А.* Санкт-Петербургская Рисовальная школа для вольноприходящих учеников. История создания. Годы становления. СПб., 2012. 177 с.

2. *Боровская Е.А.* Рисовальная школа Императорского Общества поощрения художеств: к вершинам профессиональной зрелости. СПб., 2012. 237 с.

3. *Дымищ С.И., Шаталова Н.А.* Забытые имена // Ваша библиотека, 2011, № 3, С. 31–35.

4. *Дымищ С.И., Шаталова Н.А.* Роль учебной библиотеки в системе подготовки художников в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств // Чтение как система трансляции духовного и культурного опыта: Материалы Всероссийской конференции Российской национальной библиотеки. 11–12 ноября 2008. СПб., 2009. С. 151–157.

Бубнов Николай Юрьевич — доктор исторических наук, сотрудник Рукописного отдела Библиотеки РАН.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Вопреки уходящим срокам,
Утомясь от долгой борьбы,
Я стремлюсь обратно — к истокам
Предназначенной мне судьбы.

Мои песни — я снова с вами
Как на крыльях могу парить
Над мостами, дворцами, сердцами...
И любовь, как веру, дарить.

Верьте мне — внимайте приметам
Из улыбок, взглядов и слов
И дышите вместе с поэтом
Ароматом земных цветов.

Пусть желанное станет былью,
Станет явью полет мечты,
И Всевышний подарит крылья
Тем, кого ожидаешь ты.

Пусть идут и проходят сроки.
Что за дело? Ведь мы живем!
Далеко, далеко на востоке
Ждет нас новый радужный дом...

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Не я воевал
в Великой войне —
Она топталась
по мне,
И если я тогда
не пропал,
Значит —
Бог помогал.

В снежном мареве
Ленинград —
Город —
не для живых.
В лету ушедших
моих родных
Увидеть я был бы
рад.

Помню: повсюду гуляла
смерть,
Сбирая страшный
оброк.
Но было велено мне
терпеть
И я старался
как мог.

Помню! Но памяти
не объять
Что сумел испытать
народ.

Трудно эту боль
вспоминать,
Но в сердце она
живет.
— Дети блокады,
ваша судьба,
Ваш подвиг
и ваша страсть
Звучат, как натянутая
струна,
Мешая миру
пропасть!
Величье духа —
вот наш закон!
И мы его
сохраним. —

Витает в небе
красный дракон,
Извергая пламя
и дым!

Не я воевал
в Великой войне —
Она топталась
по мне.
И если я пережил
беду,
Значит —
не пропаду.

5
сильной артиллерийской стрельбы
и начали обучать ветров сирен
и бомбоубежище или нет, решил
подожждать, а ввечере сиренба и
ушла. Вера был сумасшедший
день. Было 11 тревог и несколько
собачно провозжимых. У
Сегодня день и талие зены и
было всего 3 тревог, т.е. им слыши
услели как сирену прибили кучку
пострелять и поплакать, а мо собачки
но ничего не услышали слышал
коленки как услышало слышал
во всем. С утра он занялся
переваливая боду из гашии в
директу через крышку и наоборать
и утешивать до тех пор, пока все
не вышло до кижмай рубашки
т.е. его пришлое всего перевернул
Мерили или боду - это его побили
Замыли, которое ему никак не удавалось
запрещений. Я его забв в мучку
воборозе... шу жно кажет забавны и

ВСПОМИНАЯ БЛОКАДУ

Ленинградская блокада для меня и всей моей семьи — незабываемая боль. Она во многом определила мою последующую судьбу. То же можно сказать и обо всех членах моей семьи, поистине чудом выживших в эти суровые дни благодаря во многом нашей взаимной сплоченности и взаимопомощи.

Начало войны

Накануне начала Великой Отечественной войны, мне исполнилось 4 года. Но начало войны 22 июля 1941 г. я хорошо помню.

В это лето мои родители жили на даче, в дачном поселке Ольгино, в доме моего деда по отцу Михаила Ивановича Бубнова, которому принадлежал второй этаж большого деревянного дома по Красноармейской улице. В год начала войны мы часто гуляли в приморском парке с родителями, где отец учил маму кататься на велосипеде. Помню, как папа держал руль, но потом отпустил. Мама немного проехала по дороге, а потом свернула и вместе с велосипедом упала в придорожную канаву, полную воды. Я закричал: «мамочка» и побежал к ней. Моей маме было тогда 26, а отцу 29 лет.

22 июля я гулял с моей 16-летней няней Нюрой в приморском парке (в лесу за железной дорогой), а когда мы вернулись домой, узнали, что началась война. Все дачники собирались немедленно возвращаться в Ленинград, так как прошел слух, что финны тоже нападут на нас и будут мстить за свое поражение в советско-финской «зимней» войне. Вещи увязывали в тюки, а окна заклеивали крест-накрест полосками бумаги, чтобы стекла не вылетели при артобстрелах и бомбежках. В городе все были озабочены «доставанием» продуктов и созданием запасов на случай голода и, как потом оказалось, не напрасно. Помню, как мой отец открывал большой чемодан и складывал туда мешочки с крупой, а потом «выдавал» их бабушке Любе «по требованию», для варки супа. Когда началась война, мне было 4 года

и 2 месяца. Моя семья всю блокаду жила в коммуналке в Кирпичном переулке в самом центре города. Моя мама: Бубнова Татьяна Николаевна — инженер-электрик, преподавала в техникуме речного флота, отец — Юрий Михайлович, также инженер, по окончании офицерских курсов попал на фронт, был ранен осколком снаряда, контужен, а после выздоровления остался служить на Ленинградском фронте в зенитных частях. С нами жили родители матери: инженер-электрик Николай Афанасьевич, который осенью 1942 г. эвакуировался в Кобону по Дороге жизни, и моя бабушка: Любовь Васильевна, домохозяйка, поступившая на работу в госпиталь.

Моя мама, Татьяна Бубнова (урожденная Рязанова, 1915–1985 гг.), с начала блокады начала вести дневник, но потом бросила, по-видимому, из-за голода, холода и трудностей быта. Дневник передает впечатления молодой образованной женщины о первых самых тяжелых месяцах Ленинградской блокады.

Дневник мамы

«1941 г. 20/09. Сегодня с утра была в Ольгино. Пыталась достать что-либо из овощей, но достала только помидоры. Остальные овощи выдаются только беженцам, которых в Ольгино большое количество. Когда уезжала из Ольгино в Ленинград, то туда прибыл целый поезд с беженцами из Сестрорецка и Разлива. Говорят, что в Ольгино вселят 6000 человек. Наверное, нашу верхушку тоже займут. Новая Деревня сильно пострадала от бомбежки. Нет ни одного дома с целыми стеклами. Много домов совсем раз-

рушено, часть частично. Много убитых и раненых. Когда я вчера под вечер шла по Новой Деревне, то впечатление было жуткое: холодная погода, хруст стекол под ногами, зияющие окна домов в которых ходит сквозняк, звон выпадающих стекол, кое-где дымящиеся пепелища. Между прочим, в Новой Деревне много домов разрушено не от прямого попадания бомб, а от действия взрывной волны и от осколков. Очевидцы рассказывают, что у одной женщины вырвало из рук ребенка грудного, а сама она упала и их засыпало, но вырыли их живыми. Другие во время бомбежки побежали в коридор, так как спрятаться у них больше было негде. Дом качало из стороны в сторону, двери и рамы вырвало, часть дома обрушилась, но они уцелели. Многие выбежали просто на улицу, так как хотя там и опаснее в смысле попадания осколков, но меньше вероятности быть задавленными бревнами своего дома. Я очень волновалась за наших, так как в мое отсутствие было 3 тревоги. Но, слава Богу, все благополучно. Папа вчера днем ездил в Лесное¹, но из-за дневной тревоги, которая продолжалась 1 1/2 часа, сильно задержался, не мог попасть на трамвай и почти всю дорогу шел пешком. Когда он пришел домой и позвонил, то мама с Колей уже шли в убежище. Было 9 ч. 30 м. вечера, совершенно темно, была непрерывная стрельба из зениток и бросали бомбы где-то совсем близко.

24/09. Вчера только что принялась писать, как завывли сирены — было 9.30 вечера, сразу же одели на Колю верхние вещи — он спит не раздеваясь. Юра² взял его на руки и, освещая путь фонариком, спустился с ним в бомбоубежище. Мы все тоже оделись, взяли Коле постель и неизменный чемоданчик, и спустились следом. В бомбоубежище для Колюши Юра сделал нары из досок, на которых он и спит во время ночных тревог. Кровать его осталась на даче. Многие жильцы нашего и соседнего дома все время ночуют в бомбоубежище. Мы этого не делаем, потому что там очень сыро и холодно.

Тревога ночью была до 11 ч. 30 м. К концу ее мы все задремали, кроме папы, который с кем-то разговаривал. Коленька только отрыл глазки, когда его принесли в бомбоубежище, и сразу же опять уснул. Во время тревоги было довольно тихо, так как в нашем районе бомбежки не было. Остальную часть ночи спали спокойно, хотя ночью проснулись от сильной артиллерийской стрельбы и начали обсуждать вопрос, спускаться ли в бомбоубежище или нет, решили подождать, а вскоре стрельба и умолкла. Вчера был сумасшедший день. Было 11 тревог и несколько довольно продолжительных.

Сегодня день не такой ясный и было всего 3 тревоги, так что мы с мамой³ успели как следует прибрать кухню, постирать и погладить, а то совершенно ничего не успеваем сделать. Коленька нам усиленно помогал во всем. С утра он занялся переливанием воды из чашки в бутылку через крышку и наоборот и переливал до тех пор, пока весь не вымок до нижней рубашки, так что его пришлось всего переодевать. Переливание воды — это его любимое занятие, которое ему никак не удаётся запретить. Я его зову в шутку водовозом, ему это кажется забавным и он всегда сильно над этим смеётся.

27/09. Сегодня ночью спали спокойно, все время был артиллерийский обстрел. Утром около 7-ми часов была тревога, в бомбоубежище не ходили, так как жалко было будить Колю и было тихо. Утром в 8 часов Коля проснулся и начал звать бабу: бабкать. Я хотела, чтобы он еще поспал и сказала, что в столовой зверь, он начал его ругать: “паршивый негодяй, уходи, что тебе сказали, что, ты не понимаешь? Вон отсюда!” А сам боится — что-нибудь скрипнет, или хлопнут дверь, как он зарывается в подушки и прислоняется ко мне. В 8 ч. 30 м. была тревога, были в бомбоубежище, была сильная стрельба. Коля очень веселился, играя с мальчиком Мишей, с которым он познакомился в бомбоубежище. Коля очень смешно показывает, как разговаривают глухонемые и сам при этом так зара-

зительно смеется, что все, глядя на него, смеются. Коля очень любит, когда ему читают “Дневник Мурзилки”. Эту книгу он полюбил с 2 1/2 лет и, не смотря на то, что она написана для детей школьного возраста, он ее всегда очень внимательно слушает и может все рассказать, что ему прочли. Коля говорит: “мой папа грубин, он все грубит; он на работу не ходит, потому что его с работы выписали, он нагрубил, вот его и выписали. А деда ходит на работу, потому что он не грубит, вот его и не выписали”. Коля говорит: “живой идейный медведь” — и хохочет.

28/09. “Деда, дай букелитовой бумаги, папа будет барабан делать”. Туалет — туалет. Радио — радио. Мы с мамой “обе с крестиками, а не молимся”. Коля нашел палку и назвал ее “тыквой”, потому что ею тыкают, вместо “в ссоре” — “в сое” — мягкое “р” не выговаривает, — только твердое.

Вчера немцы стали бросать осколочные бомбы в скопление людей, много раненых у Финляндского вокзала, которые не успели во время тревоги укрыться. В 8 ч. вечера была продолжительная тревога, сильная стрельба, сброшено, очевидно, много бомб. Видно большое зарево по направлению к Московскому вокзалу.

29/09. Колюшка ночью проснулся в слезах: “Мамочка, мы еще не сгорели? А мы не сгорим? До нас пожар не дойдет? Я буду всегда хорошим, не буду плакать и кричать, не буду “бабкать”, только бы нам не сгореть”. Очевидно, ему во сне приснилась бомбежка и пожар. Утром он всем рассказывал, что на нашей улице был пожар, бросали зажигательные бомбы, все стекла вылетели, и большой мальчик тушил пожар водой из бочки, и что будто он это все видел из двери бомбоубежища. Его ни за что нельзя было уверить, что это был сон и он в полной уверенности, что это он видел наяву.

Вчера, во время вечерней тревоги, сброшено много бомб на Невском, на Садовой, на Гороховой. Очень много пострадавших из тех, кто не был в бомбоубежище, так что мы теперь очень ак-

куратно ходим в убежище. Одна бомба сброшена весом в 1 тонну. Сегодня вечером было две продолжительных тревоги. Маме рассказывал один пострадавший, как он вечером дежурил на крыше, и его с товарищем волной сшибло с крыши, и они повисли как-то на трубах, и он потерял сознание, а потом, когда очнулся, обнаружил, что висит на половину в воздухе. Услышав стоны и крики раненых, они бросились на помощь бегом по покатой крыше в полной темноте, проваливаясь в дыры и выбоины, перебрались на крышу другого дома и каким-то чудом спустились вниз. Я ночью видела во сне, как летают самолеты, сбрасывают бомбы, а я бегаю и прячусь. Посреди ночи опять ходили в бомбоубежище, как Коля называет “бомбоубежищей”.

4.01.1942 г. Больше 3-х месяцев не касалась дневника. За это время произошло много событий. Весь сентябрь, октябрь и ноябрь нас бомбили, не проходило дня, что бы где-ни будь поблизости не сбросили бомбы. В сентябре мы обе [с матерью] ходили в бомбоубежище, а в октябре и ноябре оставались дома, так как уже не хватало сил. Бывало, сидишь, обедаешь под грохот зениток, и вдруг как подпрыгнешь — это значит, что близко сбросили бомбу. Сразу все стихают, обмениваются напряженными, испуганными взглядами. Коленька спрашивает: “А нас не разбомбят? Наш дом крепкий?”. Папа всегда скажет: “Я говорил, что надо было спуститься в бомбоубежище”. А мы с мамой возражаем: “Тогда там вообще нужно сидеть целый день и оттуда не вылезать”. Как часто за это время наша жизнь висела на волоске!

Бывало, лежишь ночью: тревога, непрерывная стрельба, переходящая в гул, стены трещат от сбрасываемых неподалеку бомб, прижмешь к себе спящего Колюшу и ждешь смерти, как говорится в песне: “если смерти, — то мгновенной, если раны — небольшой”⁴. И все думаешь — вот сейчас — конец, только бы сразу, чтобы не мучиться. Потом, когда стрельба стихает, на душе делается легче, но ненадолго,

опять грохот, опять бомбы, потом стихает и когда заиграют отбой, то это кажется ангельской музыкой. После отбоя, бывало, заснешь на какие-нибудь полчаса-час и опять просыпаешься от пронзительного воя сирены. И так несколько раз за ночь. Конечно, это большая трата нервов, и к этому вполне нельзя привыкнуть. Сейчас, благодаря сильным морозам, мы отдыхаем. Чем сильнее морозы, тем меньше для нас опасность с воздуха, и тем больше мороженных немцев под Ленинградом. Спим и видим, чтобы немцев скорее отогнали от Ленинграда. Только уж очень холодно в нетопленных комнатах. Ютимся в темной кухне, Коленька иногда выбегает в комнаты, и уже слегка отморозил себе ручки. У нас с мамой руки давно отморожены и сильно болят. Вместо маникюра и колец приходится ходить с забинтованными пальцами.

Припоминается такой эпизод. В сентябре я, Юра, папа и Раиса⁵ ездили за город за картошкой, и попали в тревогу. Мы были в поле, и немецкие самолеты кружились над нашими головами, по ним били наши зенитки и снаряды рвались над нашими головами и кругом падали осколки. Мы распластались на траве и совсем срослись с землей. Папа с Юрой смотрели на всю эту картину, которая была, конечно, очень интересной, а мы с Раисой даже голову боялись поднять.

Я никогда не была религиозной, а теперь каждый день молюсь Богу, чтобы он дал силы перенести все испытания, выпавшие на нашу долю, и чтобы наша жизнь стала опять спокойной и мирной, как раньше. Не говоря уже о маме, папа мой сильно изменился. Оба они меня сильно беспокоят. Мама всегда худая, теперь совсем исхудала и опухает. Я все время слежу, чтобы она пила меньше. Папа всегда полный и цветущий, тоже похудел, а цвет лица стал землистый. Я за них обоих очень боюсь. Юра тоже очень похудел и изменился, но его все ж таки Михаил Иванович⁶ немного подкармливает. Во время одной из тревог разбомбили дом на Кирпичном напротив нас⁷.

23/03. 1942 г. С тех пор, как я не писала дневник, я пережила столько ужаса, пережила такое ужасное время, что вообще удивляюсь, что еще осталась жива. Если сказать только, что Ленинград превратился в город мертвецов, что на улицах валялись неубранные трупы людей, что люди умирали с голоду целыми семьями, что был жуткий голод. Когда весь январь и часть февраля, помимо 200 гр. черного хлеба в день, ничего не было, и ни за какие деньги нельзя было достать. Когда был случай, что даже этого хлеба мы по 2–3 дня не имели, и за ним приходилось стоять по 8 часов, и то приходиться с пустыми руками. И если прибавить к этому 30-ти градусные морозы, продолжавшиеся всю зиму почти что непрерывно, холод в комнате из-за отсутствия дров, возможность отапливаться только одной буржуйкой, отсутствие не только электрического, но и вообще какого-либо света, так как нет ни капли керосина, масла и даже спичек, причем это в условиях Ленинграда, когда светло только с 11 утра до 2-х — 3-х дня, жуткие бытовые условия — отсутствие водопровода и канализации — за водой ездили с саночками на Неву, отсутствие трамваев — на работу ходили пешком на другой конец города. Если все это себе ясно представить, то понятен будет тот кошмар, который нам пришлось пережить, и благодаришь Бога, что мы все еще пока живы и относительно здоровы.

Мы с Юрой сейчас работаем в техникуме, там из 25 преподавателей умерло 15, в том числе и такие молодые, как мы. Студентов умерло очень много. В тех группах, где я преподаю лично, у моих студентов почти у всех, если сами они и живы, то остались круглыми сиротами. Умерла мать Юриных товарищей, а вообще ни о ком из знакомых известий не имеем.

У Михаила Ивановича в доме много умерло народу, у нас тоже. Умерла Лидия Петровна и ее две сестры, умерла Нюра⁸ в больнице.

Теперь о нас. Все мы страшно худые, истощенные, слабые, постаревшие. Мама,

вообще всегда худенькая, теперь скелет, можно анатомию изучать, два раза была при смерти от истощения, каким-то чудом выходили. Папа стал такой худой, одни кости торчат. Юра бы не выжил, он одно время сильно сдал еще тогда, когда сидели на 125 граммах хлеба, но его начал подкармливать Михаил Иванович и он теперь имеет относительно приличный вид. Коленька конечно похудел, но сравнительно с многими другими детьми, выглядит хорошо, беленький и розовенький. Он всё-таки у нас подкармливался, кое-какие крохи для него хранились. Но, конечно, полное отсутствие молока и почти полное отсутствие жиров и витаминов сказалось. Стоит чему-нибудь у него заболеть и месяцами не заживает. Сейчас у него нарыв на пальчике ноги, и никак не заживает уже 2 месяца. Коленька часто вспоминает про бабу Машу⁹ и говорит: “Хорошо, что Ирина¹⁰ уехала в Ашхабад, там хорошо, а у нас плохо, вот бы нам тоже прикрепиться к Ашхабаду”.

30/03. 1942 г. Сегодня у нас радость, нам троим дали рабочие карточки, следовательно, наши дела должны поправиться. Сегодня купила 1 кило пшена за 400 р., немного подпитаемся. Коленька ходит в очаг. Первое время ходил с большим скандалом, страшно плакал, что его мальчишки обижают, все над ним смеются и его бьют. Дразнят “обжора”, потому что он после того, как уберут со стола, сидит и не идёт играть, а они думают, что он ждет, когда еще дадут покушать. Вообще был очень недоволен, сейчас понемногу привыкает, с восторгом говорит, что вкусно кормят: каждый день дают сахар и масло, дома, конечно, мы его так кормить

не можем. Папа в стационаре, кормят там очень вкусно и разнообразно 4 раза в день. Но он очень худой и жалуется на голод. Сейчас в городе идет повинность по уборке снега. Все ленинградцы работают на снегу, улицы полны народу. Коленьке выменяли витамин АЕД на 300 гр. хлеба, будет принимать, а то у него, бедняжки, болят ручки, ножка и головка. Сегодня он пошел после очага к деде Мише, там будет ночевать, у них тепло, а у нас холодно и он простужается. Мама никак не поправляется, страшно худая и очень плохо с сердцем. Надо её усиленно лечить».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пригород Ленинграда, где находится Политехнический институт, в котором мой дед преподавал.

² Мой отец: Бубнов Юрий Михайлович (1912–1991).

³ Моя бабушка по матери: Рязанова (урожденная Чудова) Любовь Васильевна (1887–1971).

⁴ Эту песню очень часто пела моя бабушка Люба, запомнившая её еще в Гражданскую войну.

⁵ Раиса — подруга мамы.

⁶ Мой дед Бубнов Михаил Иванович (1887–1968)

⁷ Это дом № 1 по Кирпичному переулку, в котором теперь построили выход из метро станции Адмиралтейская.

⁸ Моя 16-летняя няня.

⁹ Моя бабушка по отцу: Бубнова Мария Спиридоновна (1985–1967).

¹⁰ Моя двоюродная сестра Скобская Ирина Ивановна (род. 1933 г.)

